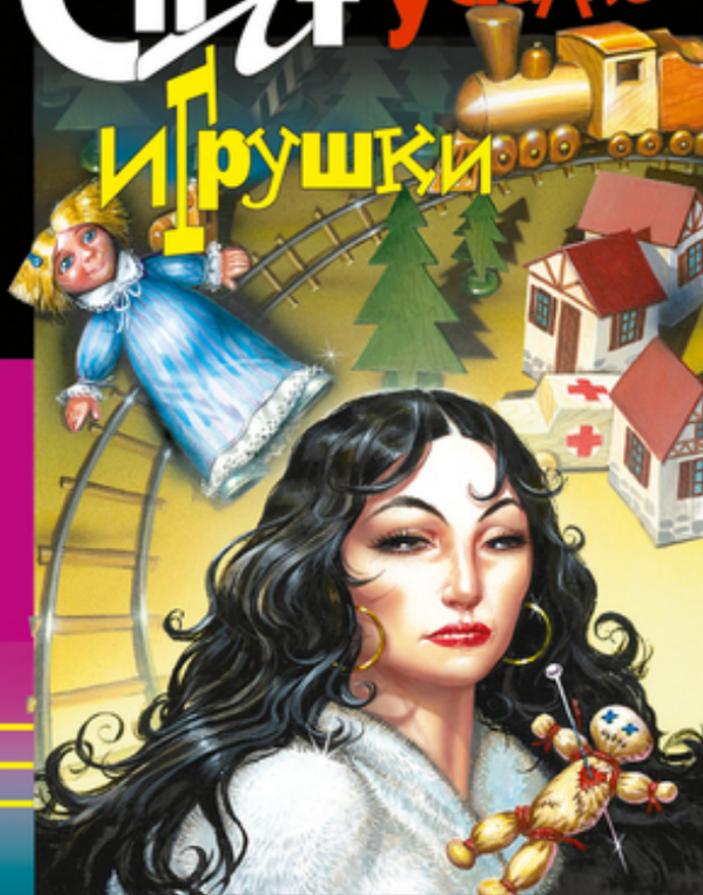

Дарья Донцова

След у Гаме

Игрушки

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭКСМО

Дарья Донцова
Спят усталые игрушки
Серия «Любительница частного
сыска Даша Васильева», книга 10

текст предоставлен издательством ЭКСМО
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118850
Спят усталые игрушки: Эксмо-пресс; М.; 2006
ISBN 978-5-699-21080-0, 5-04-007748-3

Аннотация

Любительнице частного сыска Даше Васильевой противопоказано выходить из дома – обязательно попадет в какую-нибудь историю... На этот раз она стала свидетельницей того, как из окна выбросилась молодая женщина. Милицию не заинтересовало это событие, но Дарье захотелось узнать причину столь отчаянного поступка. Она принялась разыскивать людей, которые знали самоубийцу. И тут выяснилось, что четверо знакомых погибшей недавно ушли из жизни точно таким же образом. Даша на сто процентов уверена, что таких совпадений не бывает...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	34
Глава 4	43
Глава 5	61
Глава 6	75
Глава 7	89
Глава 8	102
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Дарья Донцова

Спят усталые игрушки

Глава 1

Март в этом году выдался теплым. Уже к десятому числу сошел снег, к пятнадцатому из земли полезли первые травинки, одураченные неожиданным солнцем. Москвичи поспешили сбросить надоевшие за зиму шубы, дубленки и тяжелые ботинки на грубой подметке. В городе появились девочки в легких курточках и парни в пальто нараспашку. Все спешили обрадоваться долгожданной весне. Но мы с семьей живем за городом, в поселке Ложкино, и, хотя от Кольцевой автомагистрали нас отделяет всего пять километров, вокруг простирается лес. Сугробы в наших краях только-только начали таять.

Вечером в пятницу, часов примерно около пяти, я как обычно шла вдоль насыпи. Когда мы строили дом, то место выбирали придирчиво. Хотелось жить одновременно и в городе, и в деревне, потому и остановились на Ложкине. Езды отсюда до Тверской пятнадцать минут, отлично отремонтированное шоссе исключает пробки, даже если направляешься в столицу воскресным вечером. Двухэтажное здание окружают ели, огорода не держим, любителей ковыряться на

грядках в семье нет. Ближайшие соседи с дружкой не лезут. За несколько лет мы свели знакомство только с банкиром Соломатиным и его семьей. И то лишь потому, что их кот, огромный черный красавец, регулярно приходит с визитом к нашим кошкам – трехцветной Клеопатре и белой Фифине. Получившихся в результате таких посещений котят моя дочь Маша называет «домино». Они и впрямь похожи на костяшки – черные с белыми пятнами.

Первую неделю жизни в Ложкине провели в состоянии, близком к эйфории, но скоро поняли: у поселка есть один существенный недостаток. Меньше чем в двух километрах пролегает железная дорога, и шум регулярно пробегающих поездов вначале действовал всем на нервы. Мой сын Аркадий даже заявил:

– Все, продаем дом и строим новый.

Его жена Ольга, впрочем, дома мы предпочитаем звать ее Зайкой, миролюбиво заметила:

– Давайте подождем, вот увидите – скоро привыкнем.

– Вот Анька с Ванькой подрастут и полезут играть на рельсы, – не сдавался супруг.

Но близнецам, моим внукам, только-только исполнился год. Передвигаются они повсюду в сопровождении няни Серафимы Ивановны, перспектива обнаружить детей на шпалах казалась невероятной, и Зайка мягко настаивала на своем:

– Еще одна стройка? Да никогда в жизни!

Я тоже приходила в ужас, представив себе новый виток разбирательств с рабочими. Но Аркадий и Маша стояли на- смерть – поезда мешают им спать, есть, читать и вообще жить. Две недели мы отчаянно ругались. Потом на станции открылся огромный универмаг с отделом игрушек и компьютерных дисков. Маня примолкла. Оставшийся в одиночестве Кеша безнадежно махнул рукой. Через месяц мы поняли, что не слышим больше гула, и успокоились, даже обнаружили много приятного от соседства со станцией. Кешка покупает там газеты и видеокассеты, изредка прихватывая и сигареты. Маня опустошает универмаг. Зайка обожает копаться в мотках с шерстью в лавочке «Ваш досуг». А мне нравится возможность совершать пешие прогулки. Ведь я веду безобразно сидячий образ жизни, даже в булочную езжу на «Вольво». Два километра туда, два километра назад резвым шагом позволяют сохранять фигуру и поддерживать тонус.

Ясное небо радовало глаз, пахло весной и чем-то таким щемящим, знакомым. Ноги бежали быстрее, спина выпрямилась, ощущение – будто летишь на крыльях.

Впереди послышался звук гудка. Ничего особенного в этом как будто бы нет. Скорые поезда, подъезжая к станции, как правило, захлебываются в коротком «ту-ту», предупреждая возможных автолюбителей и неаккуратных пешеходов. Но этот просто был тревожным, каким-то безумным звуком. Я взглянула на рельсы. Там, спиной к неотвратимо приближающемуся электровозу стояла женщина. Состав

летел прямо на несчастную. Машинист, не в силах остановить огромный разогнавшийся товарняк, продолжал истошно сигналить. Однако женщина даже не шевельнулась.

Со всех ног я бросилась кубарем вниз по насыпи. Боже, она, наверное, глухая или сумасшедшая. Но это не основание, чтобы погибать жуткой, мучительной смертью под колесами. Снег лез за воротник куртки, набивался в коротенькие сапожки и превращался тут же в воду. Шапочка слетела на бегу, впрочем, шарфик и перчатки я тоже потеряла. В голове билась только одна мысль: успеть во что бы то ни стало. Тепловоз внезапно стал пугающе огромным, краем сознания я отметила, что машинист кричит, лицо его перекосилось от ужаса. Грязная железная махина с оглушающим ревом покатила мимо, но я в самый последний момент с нечеловеческой силой успела дернуть женщину за безвольно свисавшую руку. Мы повалились в сторону с непонятным чавканьем, будто кули, набитые гнилой картошкой. Сбоку пронесся состав с грохотом, стуком, шипением...

Товарные вагоны проскочили мимо. От станции, проваливаясь в остатки грязного снега, бежали люди. Впереди, размахивая флажком, неслась стрелочница Люся. Мы хорошо знаем ее и отдаем женщине для ее дочери вещи, из каких Маша выросла.

– Дарья Ивановна, – завопила Люся, – господи, вы живы!..

Я обалдело крутила головой. Небо по-прежнему голубое, приятный ветерок касается лица, вдали щебечут веселые,

пережившие зиму птички. Природа никак не реагирует на то, что кто-то мог сейчас умереть. Представив себе лужу крови и ошметки человеческого мяса на рельсах, я вздрогнула и посмотрела на спасенную.

Она лежала лицом вниз, широко разметав руки. Юбка задралась, и видно, что у женщины красивые, длинные стройные ноги, одетые в дорогие ботинки из натуральной кожи. О хорошем достатке говорил симпатичный норковый полушубочек, элегантная кожаная шляпка, валявшаяся неподалеку. И пахло от нее не чем-нибудь, а дорогой «Дольче вита» от Диора.

– Щас, щас, – приговаривала Люся, суетливо оправляя одежду на лежащей, – вона, уже доктора несутся.

Прямо за универмагом находится подстанция «Скорой помощи». Медики даже не воспользовались машиной, а, прихватив носилки, побежали, услышав про происшествие. С доктором и двумя фельдшерами я тоже знакома, они живут неподалеку, в длинном кирпичном доме, построенном для работников местной птицефабрики. Юрий Анатольевич терапевт, всегда рад подработать, и ложкинские зовут его иногда для оказания нехитрой помощи – помазать летом зеленкой детские коленки и царапины. Для других случаев у обитателей коттеджей есть собственные, дорогие врачи, но приветливый Юрий рад и такому приработку.

Женщину аккуратно перевернули на спину. Вокруг толпились любопытные: пара путейских рабочих, бабка, всегда,

зимой и летом, торгующая возле шлагбаума семечками, и пара вездесущих подростков. Наверху, там, где пролегала дорожка к станции, сгрудились люди, шедшие на электричку. Вид близкой смерти всегда привлекает зевак, но на этот раз толпа оказалась разочарованной. Доктор безапелляционно заявил:

– Жива, даже не ранена, но в шоке. Кладите ее, ребята, на носилки, в больницу повезем.

Вернее сказать: понесем. Больница тут же, в ста метрах от переезда.

– Дарья Ивановна, – тронул меня за плечо Юрий, – у вас кровь на лице, пойдёмте с нами.

Я провела рукой по щекам – действительно. Пришлось отправиться с медиками. Ноги стали какими-то тяжелыми, а тело, казалось, весит больше ста килограммов.

В приемном покое меня затрясло. Молоденькая медсестра с сочувствием поднесла мне стаканчик с остропахнувшей коричневой жидкостью.

– Выпейте, успокойтесь.

– Просто замерзла, – пояснила я, стаскивая абсолютно мокрые сапожки. – Можно от вас позвонить домой?

Мне разрешили приблизиться к аппарату.

– Через пятнадцать минут буду, – пообещала Ольга, – только волосы высушу, извини, в ванной сижу.

Потом появился хирург, осмотрел и успокоил. Ничего особенного, слегка разбита губа.

– Небось когда бабенку из-под колес выдерживали, налетели лицом на ее плечо, – предположил доктор, – и расшиблись. Ерунда, из губы всегда море крови выливается.

– Как она? – Я осторожно ощупывала языком зубы.

Так и есть, передний клык, давно не собственный, а просто металлокерамика на штифте, угрожающе покачивался. Понимая, что предстоит визит к стоматологу, я приуныла. Если чего и боюсь, так это бормашины.

– Положили в палату, – врач подошел к раковине.

Нет, все-таки у эскулапов странная манера, мыть руки не до того, как осмотреть больного, а после, словно из брезгливости.

– Знаете ее? – спросил доктор.

Я покачала головой.

– Она в сознании?

– Да, – сказал доктор, – только молчит и не отвечает на вопросы. Шок. Вызвал невропатолога.

Тут дверь распахнулась, и всунулась треугольная мордочка, украшенная крупными круглыми очками.

– Вы спасли женщину? – спросила маленькая, похожая на белку докторица. – Пойдемте со мной. Отчего-то она не желает называть свою фамилию, – сообщила невропатолог. – Надеюсь, увидит вас и разговорится. Спросите имя, адрес... Ну, в общем, паспортные данные.

– Может, ей плохо? – осторожно осведомилась я.

– Да нет, – отмахнулась молоденькая специалистка, –

небось боится, что милицию вызовут и за хулиганство накажут. Виданное ли дело, на путях ворон считать...

– Как у нее со слухом? – продолжала интересоваться я, пока мы пешком лезли на четвертый этаж. – И не говорит, и поезда не заметила, вдруг глухонемая?

– Ха, – дернула головой девица, очевидно, только в прошлом году закончившая институт. – Видали мы таких, просто безобразница, хорошо еще, что не пьяная.

Она с размаху открыла дверь и впихнула меня в палату. В крохотной комнатенке три кровати, но больная только одна, та самая спасенная женщина. Сейчас я разглядела, что у нее красивое, как говорят, породистое лицо. Тонкий аристократический нос, аккуратный подбородок, четко очерченный рот и словно нарисованные полукружья бровей. Хороши и волосы, густые, черные, то ли вьющиеся от природы, то ли дама оставила в парикмахерской целое состояние, добиваясь такого естественного крупного завитка.

– Как самочувствие? – тихонько поинтересовалась я.

Женщина даже не пошевелинулась, но по слегка дрогнувшим векам я поняла: слышит великолепно, просто не желает вступать в контакт.

– Не имею никакого отношения к милиции. Шла мимо и увидела, как вы стоите на рельсах...

Дама упорно хранила молчание. Странно все-таки. Полагается хотя бы сказать спасибо, но спасенная жертва, как видно, не собирается выражать благодарность.

– Скажите, как вас зовут? – продолжала я настаивать.

Губы даже не дрогнули.

– Родственники, наверное, волнуются, – решила я подъехать с другой стороны.

Ноль эмоций. Пострадавшая явно нуждается во врачебной помощи, но не девчонки-невропатолога, а классного психиатра. Поняв бесплодность попыток, я вздохнула и пошла к двери.

– Стой, – раздалось за спиной.

Я машинально обернулась на грубый окрик. Прямо мне в лицо глядели огромные, черные, словно лужицы блестящего дегтя, глаза. В них горела прямо-таки фанатичная ненависть. Наверное, с таким выражением люди бросаются под вражеские танки или закрывают собой дуло пулемета.

– Зачем ты меня спасла? – медленно, с расстановкой прошипела дама. – Кто тебя просил?!

Я не нашлась, что ответить.

– Убирайся вон! – срываясь на крик, выпалила безумная. Глаза ее стали еще больше, казалось, в них полыхает пламя.

Я невольно попятилась к двери.

– Вон! – продолжала пострадавшая. – Проклинаю тебя! Влезла со своим сочувствием, чтоб ты сдохла!

Я выскочила в коридор – никого. Надо рассказать доктору, пусть приглядит за ней. Но врач осматривал плачущего ребенка, держащего на весу явно поломанную руку.

– Ладно, ладно, – отмахнулся эскулап, – потом подойду к

этой психопатке, а вы езжайте домой, там за вами пришли.

Я вышла во двор и увидела красный «Фольксваген». Ольга выглянула в окно.

– Ну ни на минуту нельзя тебя отпускать, – рассердилась она, – сразу в историю попадаешь, залезай!

Я молча подошла к автомобилю. В голове гудело. Ну кто просил меня вмешиваться! Пожалела дуру! Теперь вот болит рассеченная губа, качается недавно сделанный зуб и полностью испорчено настроение. Женщина явно сумасшедшая и совершенно не способна трезво оценить ситуацию.

– Гляди, гляди, – охнула вдруг Зайка, выскакивая из «Фольксвагена».

Невестка указывала вверх. Я задрала голову. В проеме окна четвертого этажа стояла спасенная мной психопатка. Весенний ветер развевал длинные черные волосы, больничная ночная рубашка надулась колоколом. Женщина посмотрела вниз и быстро-быстро закрестилась.

– Стой, помогите, ловите, – бестолково завопила я.

Самоубийца рассмеялась и шагнула. Окаменев, я смотрела, как тело, страшно изогнувшись, летит вниз.

Отчего-то падало оно целую вечность, словно парило, хотя, наверное, все произошло за пару секунд. Волосы метались, напоминая черные языки пламени, и рвал душу истошный, нечеловеческий крик. Потом раздался сочный шлепок, так падает иногда у нашей кухарки Катерины со стола кусок сырого мяса. Грива кудрей осыпалась на труп, из-под головы

потекли блестящие струйки. Вывернутые руки несколько раз дернулись. В повисшей тишине раздались другие звуки. Сначала с легким вздохом рухнула в обморок Зайка, потом меня с бульканьем стало выворачивать наизнанку, прямо возле тела сумасшедшей. Затем ноги подломились. «Только бы не упасть на труп», – подумала я, и сознание отключилось.

Глава 2

Пришла я в себя оттого, что кто-то сунул мне под нос дурно пахнущую ватку.

– Отойдите, – простонала я, пытаясь не дышать, – у меня аллергия на нашатырь.

Руки убрались. Я покрутила головой. Справа у окна сидела на кушетке Зайка. Цветом лица моя невестка сравнялась с кафелем, покрывавшим стены. Впрочем, и врач, и медсестра, и невропатолог выглядели не лучше. Я приподнялась на жестком топчане и с чувством заявила:

– Это вы виноваты. Оставили больную одну, видели же, что ненормальная.

Доктора молчали. Девчонка-невропатолог пошла красными пятнами. «Очень хорошо, – со злостью подумала я, – может, хоть подрастеряешь немного свое удивительное в таком возрасте безразличие. Надеюсь, что родственники погибшей подадут в суд!»

Во дворе что-то залязгало и зашуршало. Ну да, морг здесь рядом, и сейчас санитары укладывали то, что осталось от погибшей женщины, на каталку. Зажурчала вода – дворник смывал кровь. Потом, пообещав приехавшим милиционерам дать завтра исчерпывающие показания, мы с Зайкой влезли в патрульный «рафик». Ложкино – не Москва, это небольшой поселок возле птицефабрики, домов сорок-пятьдесят,

не больше. Наш коттеджный конгломерат чуть удален от микрорайона из низеньких блочных пятиэтажек. Обитателей комфортабельных особняков из огнеупорного красного кирпича здесь хорошо знают. Их не так много, всего десять семей. Поэтому милиционеры прекрасно понимали, что мы с Зайкой никуда не денемся. Домой нас доставили на «раковой шейке», следом молоденький сержантик подогнал «Фольксваген».

Войдя в гостиную, мы рухнули на диваны. Потом, не стовариваясь, схватились за бутылку с коньяком.

– Ужасно, – пробормотала Зайка, отправляя в рот одним глотком граммов сто пятьдесят благородного «Мартеля». – Как она жутко смеялась, а потом кричала. Ну зачем, зачем сотворила такое?

Я с сомнением посмотрела на большой бокал, налитый до краев. Обычно мне хватает чайной ложки, чтобы съехать с катушек, а тут, наверно, целый стакан. Потом махнула рукой и залпом опустошила емкость. Ну что можно ответить на Ольгин вопрос? Кто же их разберет, сумасшедших?

На следующий день, часов в двенадцать, я сидела в кабинете следователя и методично отвечала на вопросы. Нет, женщину не знаю. Нет, кинулась вытаскивать ее инстинктивно, повинуюсь порыву. Нет, она показалась сумасшедшей. Нет, шагнула в окно сама...

Наконец капитан поинтересовался:

– Имени не назвала?

Устав все время говорить «нет», я просто покачала головой.

– Ладно, – вздохнул мужчина и протянул листок, – подпишите каждую страницу, вот тут, где «записано с моих слов...».

Я выполнила требуемое и поинтересовалась:

– Что теперь будет?

– А что прикажете делать? – недовольно буркнул капитан. – Оформим как неизвестную.

– Дальше-то как? – настаивала я.

– Никак, – совсем обозлился милиционер, – фото загрузим в компьютер. Кто заявит о пропаже, пусть приходит.

– И сколько труп пролежит в хранилище непогребенным? – вздрогнула я.

– По закону – месяц, – спокойно ответил капитан, – потом похоронят за госсчет.

– Вдруг она из другого города, или родственники у нее престарелые, может, наоборот, ребенок есть, – настаивала я.

Милиционер заглянул в бумагу.

– Да, патологоанатом пишет, что гражданка рожала, а лет ей около тридцати.

– Вот видите, – горячилась я, – ребенок маму ждет. Он же небось маленький, даже если она в шестнадцать лет родила – ему только четырнадцать.

– Чего вы хотите, не пойму никак? – удивился мент.

– Ну, заведите дело, попробуйте установить личность...

– Слушайте, дама, – выстрелился капитан, – знаете, сколько на мне дел висит? Вроде маленький поселок, а народ словно с ума сошел. Ножам режется, сковородками бьется. Позавчера машину у аптеки подорвали... Рук не хватает. Здесь же все ясно: психопатка, сначала пыталась под поезд броситься, потом из окна прыгнула. Сама, никто не заставлял!..

– Хоть имя установите.

– Вы свободны, – каменным голосом отчеканил следователь и добавил чуть помягче: – В больницу загляните, там ваш сотовый нашли.

Идти недалеко, всего лишь через площадь, и я через минуту вошла в знакомый двор. Здесь ничто не напоминало о трагедии. Медсестра в приемном покое протянула мобильный. Я потыкала в кнопки – молчание. Или села батарейка, или сломался, провалявшись ночь на улице в снегу.

Домой идти не хотелось. Решив слегка отвлечься, двинулась в сторону универмага: потолкаюсь среди продавцов, накуплю ненужных вещей...

– Дарья Ивановна, – окликнула стрелочница Люся, – погодьте, сумочку отдам.

– Какую сумочку? – удивилась я.

Терпеть не могу сумок и чаще всего таскаю самое необходимое в кармане. Но Люся уже протягивала маленький планшетик на длинном ремне.

– Путьцы обход делали и в аккурат на месте происшествия нашли, – сообщила стрелочница, – я сразу поняла, что

это вы потеряли, когда к этой психопатке побежали. Вещичка-то дорогая, не ширпотреб.

Я молча взяла прямоугольничек. Нет, у меня никогда ничего подобного не было, скорей всего штучка принадлежит покойной. Отнесу следователю. Вероятно, там найдутся документы.

– Ужас жуткий, – тарыхтела болтушка Люся, – страсть господня. Прошлым летом здесь мужика убило, пьяного. Сошел с электрички и лег вон там, у столбика, спать. Во сне, видно, и скатился с насыпи, да прямо под скорый угодил. А три года назад Катька под дрезину попала, но жива осталась... правда, по мне, так лучше б ее убило. Ноги ей отрезало. Ни жить, ни помереть.

И она зашмыгала носом. Я вежливо слушала, поджидая, пока иссякнет фонтан воспоминаний. По-хорошему, следовало сразу уйти, но тогда Люся обидится, а мне не хочется этого. Она славная, несчастная женщина, вытаскивающая на своих плечах мужа-алкоголика и двоих детей-школьников.

– А я ее видела, – переменяла стрелочница тему.

– Кого?

– Ну, эту сумасшедшую, что с собой покончила!

– Где?

– Да тут, у нас, на станции. В начале марта появилась, в продуктовый захаживала. Думаю, из санатория.

Я поглядела направо. Там, на пригорке, примерно в километре от станции расположился Дом творчества писателей,

упорно называемый местными жителями санаторием. Была там раз-другой у знакомых. Номера хорошие, с просторными комнатами и комфортабельными ванными, телевизор, телефон, холодильник... Но вот кормят отвратительно, бесконечными люля-кебабами и харчо, потому-то литераторы – частые гости местных торговых точек. В толпе их сразу видно – дамы независимо от возраста все как одна засунуты в белые брюки и увешаны невероятными драгоценностями – янтарными бусами, серьгами с пудовыми уральскими самоцветами, серебряными браслетами и цепочками. Мужчины поголовно в джинсах и жилетках. Издали они похожи на престарелых подростков. Но если покойница и впрямь из этой тусовки, то в администрации должны иметься ее паспортные данные. Не говоря уже о том, что там небось полно женщин, знающих про несчастную всю подноготную.

Обрадовавшись, я понеслась назад, к следователю. Но возле стола капитана сидела зареванная бабища.

– Подождите, – недовольно сказал он мне.

Я послушно села в коридоре и открыла сумочку. Там не было ничего: ни паспорта, ни косметики, ни кошелька, даже носового платочка или расчески. Только небольшой, аккуратно сложенный лист бумаги. Руки сами собой его развернули.

«Коля, больше не могу. Знай, я больше не повинуюсь тебе, считай, что сбросила оковы. Понимаю, молить о сострадании глупо, но не пробуй искать Верочку. Да,

ты прав, моя дочь жива, но тебе никогда, слышишь, никогда, не достать ее. Пусть лучше она умрет голодной смертью, что скорей всего и произойдет после моей кончины, девочку просто некому будет кормить, она заперта одна. Так что сжался, оставь ее погибать своей смертью, только не уродуй, как меня. Но, если не послушаешься и начнешь поиски, знай – вернусь с того света, чтобы отомстить тебе. Мне нечего терять, руки и так по локоть в крови невинных жертв.

Прощай! Леня, Костя, Жора, простите меня, не хотела вас убивать».

Ни подписи, ни числа. Я обалдело смотрела на листок, исписанный аккуратным, почти детским почерком. Так пишут девочки-отличницы, гордость школы, мамина отрада. Только содержание записки вызывает дрожь.

Дверь кабинета приоткрылась, всхлипывающая тетка, громко шаркая разношенными сапогами, двинулась к выходу.

– Ну, что еще? – проворчал капитан.

Я молча положила перед ним сумку. Следователь принял-ся изучать письмо, потом вздохнул и спросил:

– И что?

– Люся, стрелочница, нашла и отдала мне.

– Бред сумасшедшего. – Капитан вытащил «Мальборо».

Дорогое курице для простого сотрудника МВД.

– Еще Люся вспомнила, будто видела погибшую неоднократно на станции, – настаивала я.

– Одна баба сказала, другая подхватила, – безнадежно прокомментировал мент, – тоже мне свидетельские показания!

– Послушайте, – перешла я на крик, – как вам не стыдно! Вы же прочитали эту жуткую предсмертную записку. Скорей всего за самоубийством стоит что-то страшное, какие-то смерти, преступления... Да и девочка осталась одна, Вера...

Капитан вытянул левую руку, щелкнул рычажком чайничка «Тефаль»:

– Во-первых, не орите. А во-вторых, кто сказал, что письмо написала самоубийца: ни подписи, ни числа... Тут рядом писатели проживают, кто-нибудь рукопись и посеял...

Я глядела на этого монстра из правоохранительных органов открыв рот. Капитан рассуждал дальше:

– Сумочка там могла давно валяться...

Я ткнула пальцем в почти не поврежденную дорогую кожу.

– Да она в полном порядке, представляете, что было бы с ней через неделю?

Капитан хлопнул ладонью по столу. Пачка папочек подскочила и шлепнулась на место, подняв пыль.

– Во, – вызверился мент, – смотрите, сколько дел. Между прочим, возбуждено дознание по факту шаганья из окна, а не прыганья под поезд, – такого дела нет. А в открытом деле все ясно, сама совершила суицид. Так что уже его и закрыл. Нужна родственникам – начнут искать. Нечего тут вопить и

меня виноватить...

Онемев, я слушала его неграмотную, корявую речь. Сразу и не понять, что сей Цицерон пытался сказать. Ясно одно – больше всего ему хочется спихнуть с глаз долой неожиданную доuku. И никакого расследования проводить не станут, через месяц оформят неопознанный труп к погребению, и все... финита ля комедия.

Капитан невозмутимо курил. Я взяла со стола сумочку и пошла к двери.

– Эй, эй, верните вещественное доказательство! – засуетился следователь.

– Зачем оно вам? – с вызовом спросила я.

– Порядок надо соблюдать, – неожиданно заявил капитан.

Смотрите, какой законник! Небось решил сумочку жене презентовать! Ну уж нет!

– Это моя вещь, – нагло заявила я, – потеряла, когда несчастную из-под поезда выталкивала. Станете отбирать, живо свидетелей приведу!

– Ну и вали отсюда, – рявкнул капитан.

Я молча вышла в коридор и со всего размахухватила дверь о косяк. Тоненько задрожали стекла. Нет, все-таки ужасно, что в милиции работают подобные субъекты!

На улице ярко светило солнце. Площадь весело гомонила, радуясь наконец наступившей весне. Две маленькие дворовые собачки, тихонько повизгивая, осуществляли у забора процесс продолжения рода. Никому нет дела до трагически

погибшей женщины. Нет, она не сумасшедшая. Такое письмо мог написать только доведенный до крайности человек. Кто такой Коля? Где искать Веру? Почему предсмертная записка оказалась в сумочке? Взяла с собой? Но как она рассчитывала передать ее адресату? Ни телефона неизвестного Николая, ни фамилии. И впрямь подумаешь, будто страничка из какого-то детектива...

В Ложкине мы живем уже несколько лет. С тех самых пор, когда неожиданно для себя превратились в «новых русских». Только не подумайте, что состоим в какой-нибудь криминальной группировке или озолотились, незаконно торгуя энергоресурсами. Все намного проще и интересней.

Долгие годы я и моя подруга Наташа жили в малюсенькой двухкомнатной «хрущобе». Преподавали обе французский язык в богом забытом институте, бегали по частным урокам и пытались совместными усилиями поставить на ноги двоих детей – Аркадия и Машу. Денег не хватало всегда – в холодильнике часто звенели пустые полки. И мои, и Наташкины родственники давно приказали долго жить, помощи ждать неоткуда. К тому же бывший Наташкин супруг ухитрился каким-то левым путем выписать ее из квартиры, и Наталья осталась буквально на улице. Я тоже к тому времени успела четыре раза сбегать в загс, имела детей и кучу домашних животных. Естественно, Наталья переехала к нам. Мы давно считаем друг друга сестрами.

Уж не знаю, как бы мы пережили перестройку и период

диких российских реформ, но Наталья неожиданно побежала под венец с французом и укатила в Париж. Следом события понеслись с курьерской скоростью. Не успели мы все приехать к ней в гости во Францию, как ее супруга, барона Жана Макмайера убили. Наталья оказалась единственной наследницей. А получать было что: трехэтажный особняк в элитном предместье Парижа, коллекция уникальных картин, которую начал собирать еще прадедушка Макмайер, отлично налаженный бизнес и такой счет в банке, что домашние сбивались, пересчитывая нули.

Французы настороженно относятся к иностранцам, но Наташка давно получила подданство республики. За небольшую мзду мне в одном из московских загсов выдали метрику, подтверждавшую наше кровное родство. Подлог сильно облегчало смешное обстоятельство – мы обе по отчеству Ивановны и носили в девичестве одну фамилию – Васильевы. Из сестер по жизни превратились в родственниц по крови. Требовалось только изменить отчество моего отца и данные матери. Что и было проделано сотрудницей архива, жадно поглядывавшей на коробочку, где посверкивали красивые бриллиантовые сережки.

Теперь у каждого в нашей семье по два паспорта: синий – французский и красный – российский. Капиталы размещены за границей. Бизнес управляется рукой профессионалов. Мы неожиданно оказались на гребне благополучия. Жизнь теперь состоит из разездов, вернее перелетов: Москва – Па-

риж, Париж – Москва. Маша ухитряется посещать одновременно два колледжа. Один – в Дегтярном переулке, другой – на авеню Фош. И там, и там сквозь пальцы смотрят на отсутствующую по полгода ученицу, но лишь завидят в классе кругленькое, щекастенькое личико, моментально начинают драть с нее три шкуры. Манюне приходится нелегко, программа в учебных заведениях разная, и несчастный ребенок без конца сдает какие-то зачеты, экзамены, пишет контрольные и доклады. Девочка твердо решила стать Айболитом и поэтому вечером бегаёт на занятия в Ветеринарную академию, готовится к поступлению. И педагоги используют необычную слушательницу как курьера: Манюня вечно таскает туда-обратно тяжеленные сумки, набитые журналами и книгами. В августе она везла в Парижскую ветеринарную академию даже скелет какого-то доисторического животного – то ли саблезубого кролика, то ли рогатой кошки... Самолет попал в воздушную яму, коробочка опрокинулась... Бедная Манюня почти все остальное время полета ползала на коленях под чужими креслами, собирая пронумерованные кости... Но девочка не ропщет. У нее чудный, веселый, открытый характер и завидная работоспособность.

Аркадий служит адвокатом. Зайка получила диплом института иностранных языков и сейчас пишет кандидатскую. Я же сгоряча бросила службу. Уж очень надоело за долгие годы вдалбливать в ленивые головы студентов-технарей начатки французской грамматики. К тому же устала вставать

каждый день около семи и, трясясь от недосыпу, греться о чашку кофе. Первое время просто млела от счастья, спускалась в столовую около полудня. Дни пролетали словно птицы в блаженном ничегонеделанье. Я высыпалась, ела, читала в невероятном количестве обожаемые детективы и через полгода... обалдела до предела. Оказывается, безделье тоже утомительно. Оглядевшись вокруг, поняла – заняться мне абсолютно нечем. Дети выросли и требуют заботы только в редких случаях. У близнецов имеется дипломированная няня, разрешающая родной бабушке лишь десять минут в день тетешкаться с любимыми внуками. По-моему, после того, как я покидаю детскую, Серафима Ивановна моет Аньку и Ваньку в трех водах, чтобы уничтожить принесенную мной заразу. Утешает только то, что родителей она вовсе не подпускает к детям, грозно заявляя что-нибудь вроде:

– Из города приехали, а там сейчас эпидемия свинки, по телевизору сообщили.

Страшные инфекции роятся в Москве тучами, и ответственная няня полна решимости встать на их пути живым заслоном.

Неработающие женщины, как правило, ударяются в домашнее хозяйство. Но и здесь у меня нет возможности проявить себя. Домработница Ирка, после того как я однажды вычистила ковер в гостиной, гневно схватилась за мою пылесос и примерно час ездила щеткой по светлomu ворсу, приговаривая:

– И кому же пришло в голову елозить по паласу мокрой щеткой! Только грязь развели, неумехи!

Потом Ирка скосила на меня хитрые глаза и заявила:

– Дарья Ивановна, запретите своим покрытия портить...
Ежели не знают, как убираться, то и не надо.

Пришлось избегать тряпки и веника, как чумы. На кухню я и вовсе не совалась. Там царствует Катерина, женщина суровая, резкая на язык. Во-первых, скорей всего она меня выгонит, а во-вторых, просто жаль домашних. Они так радовались, когда появилась Катя и я перестала делать яичницы и омлеты. Господь не одарил меня кулинарным талантом, я совершенно теряюсь среди кастрюль. Честно сказать, явных способностей к чему-либо у меня вообще не наблюдается, я не рисую картины, не пишу романы, а пою так, что наши многочисленные животные кидаются наутек. Впрочем, один дар все же присутствует – редкое, невероятное умение попадать в самые разные неприятности. Можете быть уверены: если с подоконника летит кастрюлька с супом, она оденется именно на мою голову. Сколько раз судьба втягивала меня в отвратительные приключения! Вот и сейчас, кажется, в очередной раз влипла, потому что ноги сами несут в сторону Дома творчества.

Железные ворота оказались открыты, никакого секьюрити что-то не видно. Писатели не боялись нападений. То ли красть у бедняг нечего, то ли думают, что всенародная известность убережет их от грабителей.

Длинная дорожка, окаймленная с двух сторон начинающими подтаивать сугробами, вывела прямо к двухэтажному зданию с белыми колоннами. Дом походил на барскую усадьбу девятнадцатого века, построенную в стиле классицизма – центральная часть и два одинаковых крыла. Но на фронто-не виднелись выполненная из гипса открытая книга и выби-тые цифры – 1955. Входные двери поражали великолепием – огромные, дубовые, с тяжелыми, почти метровыми брон-зовыми ручками.

Я еле-еле открыла створку и втиснулась в огромный холл. Тишина. Справа – гардероб, слева – огромный буфет, заби-тый посудой, и стойка портье. Впереди несколько диванов, мягких кресел, напольные часы, полы устланы слегка потре-паннами красными дорожками. Так и хочется поставить в конце этой красоты трибуну с графином. Чуть поодаль под-нималась вверх лестница из белого мрамора с широченными перилами.

В гробовой тишине раздались странные хрипящие зву-ки, потом словно зазвякали старые сковородки и послышал-ся кашель. Невольно вздрогнув, я обернулась и облегченно вздохнула – старинные часы, идеально воспроизводя брон-хиальный спазм, пытались пробить обеденное время. За спи-ной послышалось вежливое пофыркивание, я вновь оберну-лась. Из коридора неспешным шагом выплывала большая лохматая собака. Крупная голова с висячими ушами и густая черная шерсть наводили на мысль о родственниках, принад-

лежащих к породе черных терьеров. Тонкие длинные ноги намекали о присутствии в роду доберманов. На всякий случай я заискивающе зачастила:

– Хорошая собачка, умная собачка...

– Она не умеет кусаться, – донеслось откуда-то с потолка, и я опять подскочила от неожиданности. Звуки возникали в этом санатории как из небытия.

По мраморной лестнице спускалась женщина. Красивый деловой костюм, аккуратная, волосок к волоску, прическа, скромный макияж и запах слегка старомодных, но все равно приятных «Клима».

– Что же вы к завтраку опоздали! – любезно улыбаясь, укорила она меня. – Хотите комнату на втором этаже?

– Нет, нет, – поторопилась я разубедить служащую, – у меня не путевка...

– Тогда простите, – слегка посуровела дама, – на нашей территории разрешается гулять только членам Литературного фонда, их близким и друзьям.

– Видите ли, я живу рядом в коттеджном поселке...

Услыхав про Ложкино, дама вновь расцвела и стала еще более любезной, чем вначале.

– Бар работает с пяти.

– Нет, нет, – снова возразила я, – дело в том, что я стояла в магазине, бросила перчатки и сумку на столик, а когда взяла их, оказалось, что не мои. Продавщица говорит, другая покупательница спутала и прихватила вместо своих. И

как будто ваша постоянщица. Такая черноволосая, черноглазая, лет тридцати...

– Наверное, Нина Вагановна Сундукян, – сообщила дежурная. – Она комнатку в даче занимает.

– Где? – не поняла я.

– Завернете за корпус и по дорожке до забора, – пояснила дама, – там домик увидите, деревянный. Странно, конечно...

– Что?

– У нас там зимой, как правило, не живут. Да и летом с трудом соглашаются, только когда в основном корпусе народу полно. В даче удобств нету, туалет в коридоре... Когда Сундукян приехала, я ей предложила поселиться здесь на втором этаже. Чудесная комната, с балконом и альковом... А она: «Нет, хочу туда, где людей поменьше». Я ей объясняю – зима, не сезон, в корпусе от силы десять человек живет. Нет, уперлась, и все – хочу жить в изоляции. Мне-то что, бегай в душ по морозу, ежели капризничаешь. Только другие писатели такой хай поднимают, когда их в эту сараюшку селишь, а эта сама напросилась.

– Часто она приезжает?

– В первый раз, – сказала администратор, – и, надеюсь, в последний.

– Отчего так?

Скучающая дежурная вытащила пачку сигарет. Она откровенно радовалась возможности посплетничать с посторонним человеком.

– Люди к нам прибывают воспитанные, в основном пожилые. Молодым скучно, – откровенничала дама, – ни бассейна, ни дискотеки, ни концертов. Да и кормят, честно говоря, не ахти, невкусно. Только члены Союза писателей и их родственники едут сюда за полцены, скидкой пользуются. Вот и сплавляют к нам дедушек да бабушек. А что им тут делать? Только одно название, Дом творчества. Тут давно никто не творит. Гуляют, болтают. Основное развлечение: завтрак, обед и ужин. Тогда уж все в сборе, напомаженные, в ожерельях. По часу за столами просиживают, все воспоминаниями делятся. Да и понятно, иначе от скуки помрешь. А Нина Вагановна всегда приходила последней. К завтраку и обеду вообще не показывалась, ужин поспешно проглотит – и в дачку. Целыми днями взаперти сидела. Я ее один раз вежливо так спросила: «Не скучно вам одной? Могу переселить в корпус». А она как рявкнет: «Что вы ко мне лезете? Деньги за отдых заплатила и хочу провести время спокойно, отвяжитесь!»

На редкость неприятная особа. Так что не удивляйтесь, если вам перчаточки в лицо швырнет.

Дача и впрямь стояла особняком. Низенькое деревянное здание с облупившейся краской. Внутри опять красные дорожки и несколько дверей, выходящих в коридор. Все, кроме самой последней, заперты.

Номер удивлял убожеством. Старая кровать с поцарапанными деревянными спинками, кресло, обивка которого зна-

вала лучшие времена, солдатская тумбочка и узенький, почти совершенно лысый коврик. У окошка пристроился двухтумбовый письменный стол. Когда-то полированную столешницу покрывали круглые белые пятна. Очевидно, постельцы ставили на стол горячие чашки с чаем. Паркет явно требовал циклевки, и занавески больше всего походили на старые тряпки... В моем представлении литераторы должны жить уютно и комфортабельно. Крохотный холодильник «Морозко» и допотопный черно-белый «Рубин» довершали картину.

Я подошла к узенькой дверке стенного шкафа и заглянула внутрь – ничего, только вешалки. На аккуратно застеленной кровати не лежит ночная рубашка, на тумбочке нет книг или лекарств и вообще никаких предметов. Лишь на подоконнике сиротливо валяется пластмассовая расческа. Между зубьями застряло несколько длинных волнистых черных волосков. Похоже, погибшая женщина и впрямь Сундукян. Только где же ее багаж?

Глава 3

Администраторша, очевидно, из окна увидела, как я бреду назад, и, приоткрыв дверь, крикнула:

– Ох, простите, ввела вас в заблуждение.

Я подошла поближе.

– Вот Софья Емельяновна, вчера дежурила, – тарыхтела дама, впуская меня в холл, – говорит, Сундукян после завтрака уехала.

– Точно, – подтвердила другая женщина, полноватая, закутанная в клетчатый платок, – взяла и так внезапно заявила: «Вот ключи, уезжаю». Я и в книге отметила.

– Ну очень странно, – всплеснула руками администраторша, – заплатила за целый месяц...

– Не поймешь этих писателей, – фыркнула Софья Емельяновна, – семь пятниц на неделе, села в машину – и привет!

– Как в машину? – изумилась я.

– А чего тут особенного, – сказала Софья Емельяновна, – за ней мужчина приехал утром, муж, наверное. Сумочку дорожную в багажник сунул. Она, видно, заболела.

– Почему вы так думаете?

– Бледная была, как смерть, точно заболела. Супруг ее так аккуратненько, под локоток, в салон усаживает, а она руку как вырвет: «Не тронь меня, Николай!» Да с такой злостью сказала. Муж такой внимательный, улыбчивый, он даже сак-

воляж придурочный выронил.

– Сакволяж придурочный?

– А то нет, – засмеялась Софья Емельяновна, – взрослая женщина, а прибыла с ярко-красной сумкой. Повсюду «Диснейленд» написано и морды этих утят, собачат и гномиков. Кто же подобное покупает? Одно слово, писательница!

– Дайте ее адрес и телефон.

– У нас нет, – ответила администраторша, – обратитесь в Литфонд на улице Усиевича, там узнаете.

Спрятав в карман бумажку с адресом Литфонда, я пошла домой.

Уже открыв ворота, поняла, что происходит что-то неладное. Во дворе, возле входной двери, примостился грузовик. Несколько рабочих вытаскивали из него мебель. Я похолодела и на негнущихся ногах протиснулась в холл. Оставалась робкая надежда на то, что Ольга временно свихнулась и решила купить еще парочку диванов, кресел и стульев. Но в прихожей надежда испарилась как дым, потому что я узнала антикварный буфет красного дерева и вспомнила, кому он принадлежит.

У каждой медали есть обратная сторона. Если вы вдруг разбогатеете, можете быть уверены, все ваши родственники моментально вспомнят о семейных узах. Самые далекие знакомые станут наезжать в гости, а то и начнут присылать детей, бабушек, бывших жен с незатейливой просьбой о деньгах... Люди живут у нас месяцами, и домашних искренне ра-

дует, когда они на самом деле оказываются совершенно посторонними. Потому что в противном случае гости не стесняясь садятся на шею, требуя любви и внимания, мотивируя претензии одним: кровным или почти кровным родством.

Наверное, всем хорошо известна ситуация, когда на пороге неожиданно возникают тетушка из Кемерова с парой сопливых детишек или дядюшка-сибиряк, приехавший погостить месячишко-другой у московских племянничков... В чемоданах у всех нехитрые сувениры, коробочки с малосъедобными местными псевдошоколадными конфетами и бутылки с загадочными названиями – «Алтайская горькая» или «Пермский бальзам».

Но ко мне сегодня, к сожалению, явились не милые провинциалы, а шестая жена моего третьего мужа Макса Полянского – Алиса. Непонятно только, отчего она притащила с собой мебель. Впрочем, подробности сейчас узнаю, потому что Алиска с распростертыми объятиями летит мне навстречу.

– Дашка, – завопила она, хлопая нагуталиненными ресницами, – Дашка, сто лет не видались!

Алиса не слишком удачливая балерина. Если вы хоть раз в жизни смотрели «Лебединое озеро», то должны вспомнить сцены, где вокруг большого круга, затянутого фольгой, представляющего собой пруд, танцует безумное количество лебедей. «Птички» располагаются рядами. Самый последний – седьмой. И балеринки, танцующие там, никому не видны.

Профессионалы называют эту партию «двадцатый лебедь у воды». Вот ее-то и танцевала Алиса. Причем не в Большом театре, а в коллективе «Новый русский классический». На мой взгляд, более дурацкого названия и не придумать.

– Примешь ненадолго? – проворковала Алиска, потряхивая ярко-рыжими волосами.

В ту же минуту ее голос изменился, и она резко закричала:

– Ну куда прешь, мать твою. Не видишь, что ли, полировку царапаешь, баран долбаный!

Не ожидавшие подобных выражений от аристократического вида дамы, грузчики чуть не уронили комодик-буль.

– Давай, давай, – командовала Алиска, размахивая тощими жилистыми ручками, – нечего на ходу ворон считать, раздолбаи!

Я тяжело вздохнула, глядя, как ее тоненькая, стройная, затянутая в черные бриджи фигурка мечется между шкафо-подобными парнями.

Моего третьего супруга Макса Полянского неудержимо тянет к женщинам. Он абсолютно неуправляемый, самозабвенный бабник, что и послужило причиной нашего развода. Особую страсть Макс питает к худеньким дамам, чьи волосы имеют рыжий оттенок, вернее, все оттенки от нежно-морковного до невероятно оранжевого. Я попала в их ряды случайно. Однажды, разглядывая в зеркале свои светло-русые пряди, решила, что они слишком блеклые. Качественных красок для волос тогда не знали, поэтому, недолго думая, я

купила хну и от души намазала голову.

Эффект превзошел ожидания. Когда через час липкая зеленая масса оказалась смыта, взору явилось нечто, больше всего напоминавшее шкуру осенней лисы – невообразимо красное и невероятно блестящее. И надо же было в тот день мне столкнуться с Максом! Впрочем, льщу себя надеждой, что выпадаю из числа супружниц Полянского еще и по складу характера. У приветливого, улыбчивого, интеллигентного Максика жены все как на подбор – невероятные стервы. Но я, надеюсь, все же не похожа на таких. Потому что именно ко мне бросился за помощью бывший муж, оказавшись по ложному обвинению в Бутырской тюрьме.

Полянский просто не способен прожить с одной женщиной больше двух лет, и его расставания с женами проходят по одинаковому сценарию: бывшей мадам приобретают квартиру, дают хорошие откупные и выпроваживают на все четыре стороны. Здесь я тоже стала исключением. Ушла сама по себе, в собственные «хоромы», с небольшим чемоданчиком. Кеша, правда, пошел на воровство. Ребенок утащил из дома Макса огромного, почти пудового кота Себастьяна. Мы не могли оставить полюбившееся животное. За время нашей совместной жизни кот-кастрат стал для меня более родным и любимым, чем муж.

Алиска же полностью соответствует представлениям Макса об идеальной жене: огненно-рыжая, тощая, капризная и невероятно жадная. Но умная, расположенная к друзьям,

очень активная. Если ее близкая подруга оказалась в больнице, Алиска, нагруженная сумками с продуктами, ворвется в квартиру. Приготовит обед, стирает белье, выведет гулять собаку, утешит ребенка... На нее можно положиться в трудное время. Правда, не следует при этом удивляться, обнаружив после своего возвращения любимого мужа в кровати Алиски.

Но со мной у нее всегда были отличные отношения, делить нам нечего.

– Что случилось? – поинтересовалась я.

Прикрикнув последний раз на грузчиков, Алиса резко повернулась ко мне. Как все балетные, она стремительна в движениях.

– Ничего не знаешь?

– Нет.

– Макс – негодяй и мерзавец!

Так, понятно. Сколько они прожили? Почти год. Значит, Полянский снова проводит «смену караула».

– Представляешь, – кричала Алиса, – этот мудака недоделанный решил меня выпереть! Меня!!! Приходит позавчера и сообщает: «Извини, Лисонька, я был с тобой счастлив, но давай разойдемся по-хорошему».

– А ты что? – спросила я, заранее зная ответ.

– Пожалуйста, – пожалала костлявыми плечиками Алиса, – он мне самой надоел, только обидно очень, что не я первая заговорила о разводе.

– Да какая разница!

– Очень даже большая, – не согласилась Алиса, – так бы он оказался брошенным мужем, а теперь получилось, я – кинутая жена. Отвратительная роль! И, главное, каков мерзавец!

– А в чем дело-то?

– Квартирку мне уже купил! В Красногорске! Двухкомнатную! Даже не предупредил.

– А что тут плохого?

– Никогда в жизни! – с чувством произнесла Алиса. – Не поеду в провинцию, да еще в двухкомнатную халупу!

– Красногорск просто отдаленный район Москвы.

– Вот именно, – шипела Алиска, – отдаленный... Я ему сообщила свои условия: изволь обеспечить жилплощадь в Крылатском, и не меньше трехкомнатной!

– Зачем тебе столько одной?

– С чего ты решила, что одной? Есть один человек... Он сумеет обеспечить мне нужный уровень жизни...

– Зачем тогда Макса на квартиру раскручиваешь?

Алиса в негодовании затрясла антикварными серьгами. По самым скромным подсчетам, в каждом ухе висело по машине.

– По-твоему, я должна уйти голой и босой? Столько времени мучиться – и ничего? Ну уж нет! И квартиру купит, и денег отвалит! Иначе пойду в налоговую инспекцию и расскажу про скрытые доходы. Мало не покажется.

Бедный Макс! Каждый раз, отправляясь в загс, он наивно

полагает, что это в последний раз, и выбалтывает очередной супруге секреты доходного бизнеса!

– Вот, – продолжала Алиса, – поживу пока у тебя, а мебель прихватила, чтобы новой мадам слишком уютно не показалось. У тебя ведь две комнаты для гостей? Так я сама в одной устроюсь, а в другой пусть мебель пока постоит.

Ну уж нет!

– Может, лучше в сарай занести... возле гаража?

– В сарай? – взвилась Алиса. – Ты с дуба упала? В сарай антиквариат восемнадцатого века! Нет уж, пусть тогда твои дрова вынесут, а мои бесценные вещи разместят как положено.

Немного попрепивавшись, пришли к компромиссу. Комната для гостей, где поселится Алиса, будет обставлена ее мебелью. То, что не поместится, и прежнюю обстановку снесут в сарай.

– Шевелись, ребята, – командным голосом распорядилась балерина, – хódите, словно у вас жопы свинцовые.

– Алисонька, – робко попросила я, – ты не могла бы не ругаться?

Подруга уставилась на меня в упор огромными зелеными русалочьими глазами.

– Я? Ругаюсь? Офонарела совсем. Да я никогда не произношу бранных слов! Вот, стоит только оказаться на правах временной приживалки, как сразу начинаются попреки и издевательства!

И, ухватив цепкими пальцами, унизанными бриллиантовыми перстнями, огромную клетку, укрытую платком, она, горестно вздыхая, пошла по коридору.

– Кто у тебя там? – безнадежно спросила я.

– Фредди, – пояснила Алиса, – обезьянка, Макс подарил на Новый год.

Я так и села. Ну только обезьян нам тут не хватало.

Глава 4

В Международный Литфонд я подъехала около полудня. Конечно, вполне вероятно, что дама по фамилии Сундукян не имеет никакого отношения к погибшей, но у меня просто не существовало других версий и следовало проверить эту.

Женщина, ведавшая путевками, крайне внимательно отнеслась к просьбе. Скорей всего ее тронула рассказанная история. Мы летели вместе с Сундукян из Парижа и случайно обменялись похожими дорожными сумками... Большая, аппетитная коробочка шоколадных конфет уютно легла на письменный стол. Сотрудница Литфонда споро порылась в картотеке и, любезно улыбаясь, сообщила:

– Улица Черняховского, дом 4. Здесь, в двух шагах, наши писательские кооперативы.

Приободрившись, я порулила за угол. Двери подъездов щетинились домофонами. Но сколько ни жала я на кнопки, из квартиры, принадлежавшей Нине Вагановне, не доносилось ни звука. В задумчивости я закурила, облокотившись на «Вольво». Внезапно на улицу вышла худенькая женщина, держащая на руках щенка мопса.

– Не закрывайте, – попросила я.

– Вы к кому? – настороженно поинтересовалась дама, спуская собачку на тротуар.

– Сундукян тут живет?

– Ниночка? – переспросила владелица мопса. – Давно квартиру сдала, бедняжка.

– Почему бедняжка? – поинтересовалась я.

– Вы ей кто? – вопросом на вопрос ответила собеседница.

Я лихорадочно соображала, кем назваться, чтобы заставить даму разоткровенничаться. В голову пришла блестящая мысль. Вытащив из сумочки французский паспорт, я мило улыбнулась.

– Работаю в парижском издательстве «Пингвин», вот решили печатать серию книг российских авторов, может быть, начнем с произведений Сундукян. Отправили на разведку.

Дама подхватила не успевшего ничего сделать щенка и предложила:

– Пойдемте наверх, выпьем по чашечке кофе. Вас только стихи интересуют или проза тоже?

– Нам нужно все, – обнадежила я писательницу, устремляясь в довольно темный подъезд.

Допотопный лифт с железными распашными дверями вознес нас на пятый этаж. Недоумевающий мопс жался к хозяйке. Дама загремела ключами и пихнула пальцем в соседнюю дверь.

– Вот тут Ниночка проживает. Мы с ней дружим.

– Значит, можете о ней рассказать?

– Зачем? – поинтересовалась женщина и церемонно представилась: – Будем знакомы, Татьяна Косолапова, прозаик.

– Видите ли, Танечка, наше издательство частное, принад-

лежит одному хозяину, господину Равелю. Человек строгих принципов. Прежде чем печатать книгу, он узнает об авторе поподробней. Господин Равель крайне настороженно относится к людям нетрадиционной сексуальной ориентации, бывшим уголовникам, многократно женатым... Произведения таких авторов не принимает, как бы хороши они ни были.

– Смешно прямо, – резонно заметила Таня, ставя чайник на плиту, – всегда считала, что основной критерий – покупаемость книги, коммерческий успех.

Понимая, что не слишком удачно выбрала образ издателя, я принялась выкручиваться:

– Господин Равель чудовищно богат. Прибыль его не волнует. Издательским делом занимается как хобби, вот и капризничает. Но гонорары платит хорошие, не скупится. А вы что пишете? Детективы?

Косолапова с достоинством ответила:

– Никогда даже не прикасалась к книжонкам этого низменного жанра. Занимаюсь настоящей литературой, создаю философские рассказы о смысле жизни, вечных ценностях. Иногда по две недели ищу метафору...

Я оглядела старенькую обшарпанную кухонную мебель и нехитрое угощение, выставленное на стол: баночка самого дешевого индийского растворимого кофе, мятные пряники и карамельки. Супердоходами тут не пахнет. Скорей всего Татьяна нуждается.

– Где здесь домоуправление?

– В подвале, а зачем вам?

– Господин Равель хорошо платит за информацию об авторах.

– Да не надо никуда ходить! – воскликнула Косолапова. – Расскажу все, что знаю.

Танечка оказалась дочерью писателя и прожила в доме на Черняховского всю жизнь. Нина въехала сюда пять лет назад.

– Квартиру ей бабушка оставила, – сообщила Таня, – Сусанна Ашотовна, крупнейшая переводчица, а уж богатая!.. Нинке все досталось – три комнаты, обстановка, да еще и деньги, наверное, потому что она машину сразу купила. На ее гонорары не разбежишься, сами знаете, какие дурацкие стишата пишет – мрак! Далеко не Ахматова и не Марина Цветаева, а туда же! Поэтесса! По-моему, последний раз года три назад стишок в «Литературке» напечатали, так бегала по двору, всем под нос газетку совала. Но жила неплохо, копейки не считала. Бабушкины запасы, видно, проедала.

Однако всему приходит конец, опустела и кубышка. Нина сначала слегка приуныла, а потом очень ловко устроилась, нашла себе любовника, молодого, но, судя по всему, богатого мужика. Ездил парень на новеньком «Мерседесе». Таскал к ней наверх гигантские сумки, откуда высывались горлышки дорогуших ликеров и упаковки осетрины. В лифте после него оставался устойчивый запах достатка – французского

лосьона и американских сигарет. Нина щеголяла то в новой шубе, то в роскошном пальто.

Через год парень исчез, и Сундукян погрузилась. Пару раз она даже перехватывала у Танечки денег, а в прошлом году сдала свои хоромы за хорошие деньги и вернулась в старую квартиру на Сиреневом бульваре.

– Она мне сказала, – откровенничала Танечка, – хорошо, конечно, в шикарных апартаментах, только сейчас деньги нужны. Раньше Нинка квартиру на Сиреневом сдавала, а теперь решила поменять место жительства. Там плохонькая, двухкомнатная, за нее больше ста долларов не давали, а за эту тысячу платят. Почувствуйте разницу!

Я поцокала языком и попросила адрес. Косолапова с готовностью раскрыла телефонную книжку. Теперь можно уходить. Но не тут-то было, еще два часа пришлось с заинтересованным видом слушать читаемые вслух философские притчи. Под конец от напряжения свело скулы и от скуки начали слипаться глаза. Я кивала головой, словно китайский болванчик, борясь с подступающим сном, но Танечка ничего не замечала. Она произносила и произносила фразы, действующие на меня как снотворное.

Впрочем, на такой литературе можно сколотить состояние. Надо только продавать подобные рассказы не на книжных развалах, а в аптеках, предлагая вместо радедорма. Обвальный успех обеспечен.

Вырвалась я лишь около четырех. Ощущение такое, слов-

но поработала на заготовке дров: ноги слегка подрагивали, руки не слушались, а в голове полная и окончательная пустота.

Сиреневый бульвар на другом конце Москвы. Да и время не самое подходящее для поездок – час пик. Простояв в бесконечных пробках, я припарковалась у нужного дома только в шесть. Мне кажется, что иногда в метро ездить быстрее, безопасней, и бензин не нужен...

Когда Танечка Косолапова говорила про разницу в уровне жизни, она была абсолютно права. Дом, возле которого замер «Вольво», абсолютно не походил на писательский кооператив. Блочная пятиэтажка самой первой отвратительной серии. Окна натканы так густо, что для стен не остается места. Подъезд радовал глаз выбитой дверью, загаженной лестницей и изумительной «наскальной» живописью. Естественно, лифта нет и в помине, но нужная квартира на первом этаже.

Из-под простой деревянной двери, обитой кожей «молодого дерматина», немилосердно дуло. Я наклонилась. Щель такой ширины, что входит почти вся моя ладонь. Наверное, зимой жильцы тут в валенках тусуются.

Внутри явно никого нет. На звонки никто не ответил, а на стук выглянула соседка справа и недовольным голосом рявкнула:

– Чего дверь колошматите? Нинка уехала.

– Куда?

– А бес ее знает, – пожалала жирными плечами соседка.

Лицо дамы покрывал ровный слой крема, волосы накручены на допотопные бигуди, а из приоткрытой двери ее квартиры несло смрадом. Скорей всего на ужин варили сдохшую кошку.

– Куда-то в Подмоскowie, – продолжала сообщать соседка, – сказала, отдохнуть хочет. Только вот от чего? Ни детей, ни мужа, ни работы...

– Но ведь у Нины Вагановны дочка, – удивилась я, – Верочка...

– Вы кто ей будете? – проявила бдительность баба.

Вздыхнув, я вытащила французский паспорт.

– Вот, приехала из Парижа, привезла посылку.

– Ну надо же, – всплеснула руками собеседница, – из самого Парижа? А как здорово по-русски говорите! Из эмигрантов небось?

Я кивнула.

– Передача где?

– В машине.

– Уезжаете скоро?

– Завтра.

– Меня Зоей зовут, – неожиданно потеплела тетка, – несите свою посылочку, передам Нине.

– Нет, – ответила я твердо, – велено лично вручить.

– Вы мне не доверяете? – возмутилась Зоя. – Можете не сомневаться, глядите.

И она сняла с вешалки небольшой брелочек.

– Нинуська всегда ключики у нас оставляет, на всякий случай.

– Давайте откроем и положим посылку на стол, – предложила я.

– Интересное дело, – возразила тетка, – сама мне боишься оставить, хоть я и знакома с Нинкой полжизни, а тебя в квартиру впусти!

– Сделаем так, – мирно предложила я, – откроем Ниночкину квартирку, вместе зайдем, и вы посмотрите, как я кладу передачу...

– Ладушки, – согласилась тетка, – пусть будет по-вашему, несите.

В багажнике у меня валяется пара коробок. Я вытащила одну, подобрала на дороге булыжник, обернула его парой грязных тряпок, сунула в картонный ящичек из-под босоножек и запихнула в пакет.

Зоя по-прежнему стояла в дверях.

– А чего там внутри? – поинтересовалась она, ковыряясь в замке.

– Книги.

– Ну и ерунду вы из Франции тащили, – резюмировала Зоя, распахнув шаткую створку, – у ней и так книг-то девать некуда.

Я вошла в маленькую, пахнущую затхлостью прихожую и присвистнула. Вот уж в чем здесь не нуждаются, так это в

печатной литературе. Все стены крошечного тамбурчика и небольшого коридорчика увешаны полками.

Впрочем, и в комнате такая же картина. Повсюду, куда падает глаз, виднеются тома, томики и томищи. Чего здесь только нет! Произведения классиков: Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Гёте, Гейне. На других стеллажах менее известные, но тоже гениальные: Брюсов, Баратынский, Одоевский, Вяземский...

Обстановка поражала простотой, если не сказать бедностью. Старенький потертый диван, такие же стулья, продавленные кресла. Диссонансом «звучал» компьютер с хорошим большим монитором.

Провожаемая бдительным взглядом Зои, я водрузила коробку с «подарком» на письменный стол и, ткнув пальцем в сторону коридора, с ужасом произнесла:

– Глядите-ка, мышь!

– Где? – взвизгнула соседка и резко повернулась к двери.

Этого мгновения хватило, чтобы спрятать в карман курточки небольшую записную книжечку, лежавшую возле компьютера.

– Господи, – всплеснула руками Зоя, – вот что значит первый этаж. И крысы, и мыши, и тараканы – все наши. Зимой – холодно, летом – комары, нора какая-то, а не квартира.

Отъехав несколько кварталов, я вытащила свой трофей и принялась внимательно изучать страницы. Телефонов мало. А те, что есть, принадлежат в основном врачам. На странич-

ках обнаружила координаты гинеколога, стоматолога, психоневролога, кардиолога, гастроэнтеролога... Целая поликлиника! Устроившись поудобней, принялась звонить по номерам, перед которыми стояли просто фамилии. Тут же выяснилось, что Сергачев – плиточник, Ковалева – маляр, а Козлова – штукатур.

Я в задумчивости закурила, вертя в руках книжечку. Пока в голове формировался образ бесконечно больной дамы, постоянно занимающейся ремонтом. Отбросив «бычок», решила продолжить. И снова наткнулась на деловых знакомых. Номеров десять разнообразных издательств, следом парикмахер, мастер по компьютерам, химчистка...

В полной безнадежности набрала один из последних номеров и услышала тихое:

– Алло.

– Мастерская?

– Нет, квартира.

– Ой, простите за странный вопрос, Нина Вагановна Сундукян кем вам приходится?

– Двоюродной сестрой, а что случилось?

Я на секунду примолкла, ну как объяснить? В трубке раздалось:

– Она покончила с собой?

– Да, – подтвердила я, – где вы живете?

Упавшим голосом кто-то сообщил адрес: Коломаевский переулок, самый выезд из Москвы, причем прямо по дороге

в Ложкино. Я завела «Вольво» и со страшной скоростью – 60 километров в час – понеслась к неизвестной женщине.

То, что они близкие родственницы, видно с первого взгляда. У девушки, открывшей дверь, такие же черные кудрявые волосы, карие глаза и удивительно правильные черты лица.

– Вы из милиции? – поинтересовалась она.

Я покачала головой. Меня провели в комнату и молча выслушали рассказ. Потом девушка безнадежно и тихо заплакала. Я бестолково засуетилась вокруг, подавая воду, ваткордин и носовой платок.

– Не надо, – оттолкнула лекарство хозяйка, – давайте лучше познакомимся: Лиана.

Мы пожали друг другу руки, и Лиана спросила:

– Пить хотите?

В крохотной кухоньке меня угостили отличным кофе – крепким, сладким, с великолепной светло-бежевой пенкой, аромат же просто невозможно описать. Глядя, как я смакую напиток, Лиана вздохнула:

– Нинель еще лучше варила, секрет знала. Все шутила: вот не станет меня, и вы такой кофе уже не попьете...

– Нинель?

– Ну да, это настоящее имя. Только оно ей не нравилось, вот и представлялась всем Ниной.

– Она душевнобольная?

Лиана покачала головой.

– Просто со странностями. Про таких часто говорят:

ненормальная, а врачи никаких отклонений не находят. Еще когда бабушка Сусанна была жива, Нинель водили на прием к психиатру. Тот целую бумагу написал, да суть-то в двух словах состоит – творческая личность с невероятно развитым воображением. С ней бывало так тяжело!

– Почему?

Лиана вытащила «Вог». Я терпеть не могу ментоловые сигареты, впечатление такое, будто куришь мятную жвачку... Но девушка затянулась с явным наслаждением и принялась рассказывать о Нине.

Их отцы, сыновья Сусанны Ашотовны, братья. Женились тоже на сестрах – Луре и Мариэтте. Жили первое время вместе, в большой бабушкиной квартире, потом приобрели свои и разъехались. Но тесные отношения поддерживали. Выходные, праздники проводили обычно вместе. Шумной компанией выезжали на пикники и рыбалку. Дети у них тоже родились почти одновременно, сначала Лиана, потом, спустя три месяца, Нинель.

С самого детства Ниночка казалась странной. В дружной семье Сундукян все ее члены разговаривали исключительно криком.

– Лианка, – вопил отец, – отойди сейчас же от газовой плиты, убью!!!

– Нинелька, – вторил Ваган крещендо, – надень теплые ботинки, дождь идет!!!

Со стороны могло показаться, что сейчас родственники

поубивают друг друга... А уж если в семье и впрямь случались конфликты, то проходили они как в кино. Жены закатывали глаза, рушились на пол, мужья картинно ломали руки и вызывали «Скорую помощь»... Потом все, обнявшись, дружно рыдали в голос. Даже собаки у них превращались в психопаток и лаяли без всякого повода, день-деньской, действуя на нервы соседям.

Ниночка же росла тихая, словно мышка. Целыми сутками ребенок сидел с книжками. Читать девочка научилась сама. Однажды вечером Сусанна, зайдя в детскую, предложила Нинельке:

– Сейчас ляжешь в кроватку, а бабуля тебе почитает!

– Не надо, – прошелестела Ниночка, – я сама.

Бабка обомлела. Ребенку даже не показывали буквы.

С тех пор Ниночка, можно сказать, не выглядывала из своей комнатки. Так же незаметно для окружающих она научилась писать и, подперев худенькой ручкой щеку, самозабвенно водила ручкой по листку бумаги.

– Академиком станет! – вопил Ваган. – Золотой медалисткой, отличницей!

– Гений, вундеркинд! – восхищалась Сусанна.

Но когда Ниночка пошла в школу, честолюбивые мечты родственников рассыпались в прах. Выяснилось, что ребенок не очень-то способен к обучению. Математика оказалась для нее непреодолимой вершиной, география вызывала скуку... К пятому классу стало понятно, что Ниночка не уме-

ет писать сочинения и не хочет читать предписанных программой авторов – Шолохова, Фадеева и Федина. Учебники по физике, химии и геометрии она, кажется, и не открывала. Словом, в восьмом классе Ниночка с треском вылетела из школы. Впереди замаячило ПТУ. Родители схватились за голову. Неделю дома летали стулья и билась об пол посуда. Отец, мать, дядька, тетка и бабка решали судьбу Нины. Сама виновница переполоха спокойненько сидела в детской и слагала вирши.

Выход нашла бабка Сусанна. Классная переводчица, член Союза писателей, она имела право нанять... литературного секретаря. По замыслу, это человек, который помогает писателю в работе. Отвечает на письма читателей, печатает рукописи, приводит в порядок архив бессмертных творений... Ему полагается зарплата, которую выдает сам писатель, трудовая книжка, оплаченный бюллетень и отпуск. У кого-то, наверное, и существовали такие наемные работники, но, как правило, хитроумные поэты и прозаики оформляли на эти должности родственников – жен или детей. Когда те хотели нигде не работать, но иметь трудовой стаж. Вот Сусанна и сделала Ниночку своим «секретарем».

Девушка сочиняла целыми днями, пугая иногда родственников отсутствующим видом. Наконец наступил праздник. Журнал «Юность» дал подборку ее стихов, назвав Сундукян «молодой талантливой поэтессой». Родственники вновь возликовали. Сусанна скупила почти весь тираж и раздарила

знакомым.

На этом фоне тихо подрастала отличница Лиана.

– Я недолюбливала ее с детства, – грустно каялась собеседница, – все с ней носились как курица с яйцом. Нинелька то, Нинелька се. Надо платье новое купить, она у нас талант...

После школы Лиана поступила в медицинский. Нину приняли в Литературный институт. Она окончила его автором двух тоненьких поэтических сборников и членом Союза писателей.

– Бабушка постаралась, – объяснила Лиана, – ее в союзе очень уважали. Вот она и бегала по инстанциям, хлопотала за Нинельку.

Денег стихи не приносили, но родители и не требовали от дочери заработка.

– Пусть пишет, – восклицал отец, – фамилию прославляет!

Так они и жили – витающая в облаках Нинелька и твердо стоящая на земле Лиана.

Благополучие лопнуло разом. Светлым теплым майским днем братья Сундукян с женами выехали на шашлык. Лиана как раз подцепила где-то грипп и маялась с температурой. А Нинелька никогда не принимала участия в подобных развлечениях.

В два часа дня позвонили из милиции. «Волга», управляемая Ваганом, на полной скорости врезалась в бетономешал-

ку. Все погибли.

Хоронили их тоже вместе, всех четверых, в одной могиле.

После гибели любимых сыновей и невесток Сусанна сильно сдала, начала болеть и в конце концов шесть лет тому назад тихо умерла. Перед кончиной бабушка вызвала Лиану и сказала:

– Детка, я завещаю родительскую квартиру Нинель, и ты не должна обижаться. У тебя в руках специальность, на жизнь всегда заработаешь. Нинуська же ничего не умеет, пропадет с голоду. И потом, квартирка у тебя есть.

Лиана молча выслушала бабулю. С языка чуть не слетело, что у Нины тоже есть квартира, и возраст у них одинаковый. Но девушка смолчала.

После смерти Сусанны Нинель переехала на улицу Черняховского, свою прежнюю сдала и зажила в свое удовольствие. Лиана набрала побольше дежурств в поликлинике и пыталась стойко сопротивляться трудностям. Приходилось нелегко. Изредка двоюродные сестры созванивались, но особо не дружили. В душе Лианы жила стойкая обида, Нинельке же, казалось, наплевать на всех.

Через несколько лет Лиана вырвалась из нищеты. В золоте не купалась, но слыла классным стоматологом и имела обширную практику. Нина, наоборот, опускалась на дно. Стихи не печатали, цены на съемные квартиры начали падать, и больше ста долларов за ее однокомнатную никто не давал... Вот тогда-то поэтесса и принялась названивать более удач-

ливой двоюродной сестре.

– Меня просто коробила ее наглость, – дернула плечом Лиана, – только и слышала: «Подбрось денег». Да еще заявляла: «Тебе бабушка велела обо мне заботиться». Я один раз не выдержала и сказала: «У меня в поликлинике требуется санитарка, хочешь, устрою?» Так она обиделась: «Я человек творческий, если начну с тряпкой по полу елозить, все мысли растеряю. Физическая работа для дебилов».

Услыхав подобные заявления, Лиана разозлилась и отказала ей в дотации. Тогда Нинелька распахнула окно, вскочила на подоконник и объявила:

– Прощай, сестра, на том свете сочтемся!

Перепуганная Лиана схватилась за кошелек. После этого случая Нина начала шантажировать девушку. Сначала требовала крупную сумму, а в случае отказа грозилась выпрыгнуть из окна или броситься под поезд. Последний раз несколько дней назад Лиана неожиданно проявила твердость.

– Мне просто это надоело, – вздохнула женщина, – печатного станка у меня нет, и каждая сторублевка дается тяжелым трудом, а для Нинуськи и тысяча – не деньги. Еще бы, столько на врачей тратит.

– Она больная?

– Только на голову, – сообщила Лиана, – все уверяла, что не может работать из-за слабого здоровья. То плохо видит, то не слышит, то бессонница...

В общем, Лиана ей отказала, а на очередную угрозу самоубийства резко заявила, показывая на окно:

– Ну что ж, прыгай, плакать не стану. Дешевле один раз похоронить, чем всю жизнь содержать.

Естественно, Ниночка даже не приблизилась к подоконнику, только прошипела:

– Ладно, дорогая, еще пожалеешь.

Потом она выскочила за дверь, и Лиана больше ее не видела.

– Она была замужем?

– Мужчины у Нинки долго не задерживались, – язвительно сообщила сестра, – кому такая нужна? Ничего не умеет, эгоистична до мозга костей, постоянно стонет...

– А дети?

– Аборты делала пару раз.

Мы договорились с Лианой, что встретимся завтра утром в отделении милиции, и я поехала домой.

Глава 5

На дворе непроглядная темень, часы показывали одиннадцать вечера, но в доме повсюду горят огни. Очень странно. Как правило, по будням в это время у нас только слабо светится окно гостиной. Зайка смотрит «Скорую помощь». Маша и Кеша уже спят. Одной – утром в школу, другому – на работу. Такое, как сегодня, бывает только на Новый год.

В холле навалены пальто и куртки, из гостиной доносятся взрывы смеха. Я распахнула дверь и обомлела: комната полна незнакомых, довольно пьяных людей. Человек пять мужиков и примерно столько же женщин. Алиска, разряженная в ярко-оранжевые брюки и такую же попугайскую кофту, громко переговаривается со слегка покрасневшей Ольгой. Всегда рано ложащийся спать Кеша медленно танцует возле камина с девушкой, абсолютно веселая и счастливая Маша уплетает что-то белое и, очевидно, вкусное.

– Мусечка, – заорала дочь, – пришла наконец, а у нас день рождения!

В ужасе я прислонилась к косяку. Обладаю отвратительной памятью и частенько забываю про семейные праздники. Сколько раз домашние обижались на меня, обнаружив, что мать в очередной раз не приготовила подарка. Дети обожают торжества и устраивают их по всякому поводу. Отмечаем все российские и французские «красные дни календаря», есте-

ственно Пасху, Рождество и Новый год. Особняком стоит Восьмое марта, тут старается один Аркашка. Зато двадцать третьего февраля полагается дарить подарки ему. Впрочем, так и не понимаю, почему. К армии он не имеет никакого отношения. Последнее время в доме начали еще устраивать День всех влюбленных. Но сегодня-то конец марта. В голове защелкали даты.

Так, Маня родилась шестого сентября, Кешка двадцать девятого того же месяца. Зайка появилась на свет тринадцатого ноября. День свадьбы они с сыном отмечают двадцать восьмого апреля. Близнецов угораздило появиться на свет тридцать первого декабря. Так кто же, черт побери, именинник?

Очевидно, на моем лице отразилось искреннее недоумение, потому что Маша рассмеялась:

– Ни за что не угадаешь! Да погляди на стол...

Я бросила взгляд на бокалы, тарелки и блюда. В самом конце, в высоком детском стульчике восседала кривляющаяся мартышка. Голову животного украшала синяя бумажная шапочка.

– Ты хочешь сказать...

– Ага, – закивала Маня, взвизгивая от радости. – Фредди – именинник. Правда, прикольно? Это Алиска придумала.

– Не следует звать Алису Михайловну просто по имени, – поднял во мне голову педагог. – Она старше тебя.

– Ой, мусик, – поморщилась Манюня, – да Алиса сама

просила к ней так обращаться, говорит, отчество старит! Такая здоровская тетка оказалась. И как только я не додумалась нашим животным дни рождения справлять, – воодушевилась Маня, – завтра же возьму племенные свидетельства и узнаю, кто когда появился на свет. Обязательно сделаем то же самое: стол, подарки, гостей.

Да уж, славная затея. В доме пять собак и две кошки. Впрочем, есть еще попугай, хомячки и парочка ящериц. Надеюсь, хоть последним не станут справлять именины.

– Дашка, – закричала Алиса, – пришла! Наконец-то! Где же ты, жопа с ручкой, шляешься целый день? Небось уже у всех своих мужиков в кровати побывала! Так нельзя, до смерти затрахаетесь. Делай перерыв на сон и еду.

Я почувствовала, как лоб и щеки делаются изнутри горячими. Ольга громко захохотала, а Манюня пришла в восторг:

– Ну, прикол!

– Вот что, – обозлилась я на дочь, – ступай спать, завтра в школу.

– Ну, мамуля, – заныла девочка, – не будь занудой.

– Оставь ребенка в покое, – вмешалась Алиса, – чего привязалась? Никуда эта дурацкая школа не денется, ну пропустит разок! Я в ее возрасте уже об мальчишек терлась и половину уроков прогуливала!

– Вот видишь! – возликовала Маня. – Я у тебя просто ангел...

Не в силах спорить, я окинула взглядом разгромленную

гостиную, веселящихся домашних и, вздохнув, отправилась на кухню. Терпеть не могу сборища, вечеринки и пляски.

За круглым столом восседали с боевым видом Катерина и Ирина.

– Ваша подруга ненормальная, – заявила тут же Катя, – велела за час приготовить ужин для дюжины гостей, она сказала, если не успею, то уволит меня. Пришлось крутиться, как сумасшедшей! Еле-еле управилась. Думаете, спасибо сказала? Нет, ругалась, что картошку переварила...

Слушая негодующие слова кухарки, я только открывала рот. Ну надо же! Катерина, женщина резкая, с острым, как бритва, языком. Мы ее, честно говоря, слегка побаиваемся. Алиска же моментально поставила кухарку на место. Впрочем, и домработницу тоже, потому что Ирка обиженно заявила:

– А мне велела гостиную три раза пылесосить, все ей не так казалось. Полезла под диван и кричала: вы, мол, никогда там не убираете! А еще задняя стенка телевизора в пыли, просто обалдеть!

Поток возмущений прервала влетевшая Алиса. Балерина уперла руки в боки и гневно спросила:

– Дарья, ты этим профурсеткам деньги платишь?

– Конечно, – растерялась я.

– А зря, – отрубилa подруга, – хамки и лентяйки. Катька картошку даже не умеет приготовить, разварила в лохмотья, на стол подать стыдно! Мясо, как подметка, а салат даже моя

обезьяна лучше порежет!

– Так на все всего час времени был, – взвыла Катерина, не привыкшая к таким претензиям.

– А хоть бы пятнадцать минут, – отчеканила Алиска, – нанялась – работай. А то ишь задницу отрастила, как у памятника.

– При чем здесь памятник? – изумилась я.

Гостья фыркнула:

– А при том, что у Катьки жопа, как постамент для памятника!

Ира тихонько хихикнула. Алискин гелиевый ноготь, покрытый темно-синим лаком, уперся ей прямо в лицо.

– А эта, – процедила Алиса, – лентяйка, неумеха и неряха. На подоконнике грязь, под диваном пыль, от ковров блевотиной несет.

– Это сегодня Снапа стошнило, ротвейлера, – попыталась отбиться Ира.

– А ты убери, – велела Алиса, – не нравится, ступай на биржу. Знаешь, сколько охотников на твое место? Значитца, так, девчушки. Хозяйка ваша, Дарья Ивановна, человек добрый, можно сказать, бесхребетный, вот вы и разбаловались. Ну да ничего. Теперь я за вас возьмусь! Будете в потолок плевать, выгоню. А сейчас, Катька, неси чай. Только свежесваренный да горячий, а то и утром и днем помои подавала. Ирка, бегом в мою спальню белье менять.

– Так только вчера постелила, – пискнула, становясь мень-

ше ростом, Ира.

– Белье, – четко произнесла Алиса, – полагается менять каждый день всем. Слишком много у тебя свободного времени, вот и употребляй его на глажку, усекла? А теперь за работу, поняли, лентяйки?

– Поняли, Алиса Михайловна, – закричали женщины и понеслись выполнять приказы.

Я потрясенно глядела им вслед. Вот уже несколько лет пью чуть теплый чай или кофе. Отчего-то в нашем доме напитки, которые должны быть горячими, всегда имеют одну – комнатную – температуру...

– Так-то, – удовлетворенно вздохнула балерина, – не волнуйся, наведу у тебя полный порядок, по струнке ходить станут, раздолбайки.

– Не ругайся, – безнадежно попросила я.

– А кто ругается? – удивилась Алиска. – Просто констатирую факт. Да... у меня сегодня останется ночевать Филя.

– Кто?

– Филя.

Перед глазами моментально встала симпатичная собачка из бессмертной телепередачи «Спокойной ночи, малыши».

– Филипп, мой любовник, – пояснила Алиса, – он слегка перебрал. Надеюсь, ты не против?

Будет ли протестовать лягушонок, когда на него надвигается танк?

– Нет, – помимо воли вырвалось у меня.

– Ну и чудесно, – расплылась в улыбке Алиска, исчезая в коридоре.

Я тихонечко пошла на второй этаж. Из гостиной доносились раскаты смеха и резкий крик Фредди. Очевидно, в ближайшие дни наш дом превратится в филиал психиатрической клиники.

На следующий день ровно в десять я подъехала к милиции. Лиана уже сидела у входа. Ночью зима, как видно, рассердилась, что по календарю уже март, и налетела на Москву с настоящим ураганом. Небо заволокло тучами, повалил то ли дождь, то ли снег, и на улице горели фонари, хотя часы показывали уже десять утра. Маленькая съезжившаяся фигурка девушки казалась жалкой, и у меня екнуло сердце.

Капитан уставился на нас мутными голубыми глазами.

– Чего надо-то?

Я бесцеремонно плюхнулась на ободранный стул и, с трудом преодолев желание положить ему на стол ноги, сделала заявление:

– Вашу самоубийцу зовут Нина Вагановна Сундукян, а это ее сестра. Показывайте фото и сообщите адрес трупохранилища.

– В морг ступайте, – буркнул милиционер.

– Сказали же, что сделаете снимки и через компьютер покажете, – возмутилась я. – Прикиньте, какой это стресс для родственницы. На труп смотреть!

– Не все такие проворные, как вы, – огрызнулся капитан, –

снимки в трупохранилище делают. Хотите – ждите, пока туда из морга свезем.

– А когда? – спросила я.

– Ну, – почесался капитан, – завтра, послезавтра...

– Мы пойдем в морг, – решила Лиана, – я врач, покойников повидала, не бойтесь, шока не будет!

– Ну и ладушки, – обрадовался следователь, – ступайте себе тихонько, сейчас я позвоню.

Мы побрели через заметенную площадь. В морге худенький мужичонка, одетый в довольно опрятный белый халат, поинтересовался:

– За грим платить будете?

– Может, это еще не она, – резонно возразила я.

– Мне-то что, – пожал плечами санитар, – глядите как есть.

Минут через десять нас провели в небольшую комнату, резко пахнущую дезинфекцией. На каталке лежало нечто, укрытое простыней.

– Любуйтесь, – произнес санитар и открыл лицо.

Меня передернуло, и желудок начал судорожно сжиматься. Глаза несчастной как-то страшно прищурены, щеки распухли и покрыты то ли синяками, то ли ссадинами, нос отчего-то повернут вбок, рот исковеркан гримасой. Лишь волосы казались прежними – густыми, черными, правда, они потеряли блеск и перепутались.

подавив судорогу, я спросила:

– Не ошибаетесь? Видела эту женщину буквально за минуту до смерти, и она была красавицей, а тут...

Санитар равнодушно глянул на торчащую наружу ногу.

– Неизвестная, № 243. Другие все опознаны.

– Это она, – прошептала Лиана, закрывая глаза, – она, Ниночка...

Я схватила Лиану под руку и потащила в коридор. Девушка шла, слегка покачиваясь. Вот тебе и врач. Одно дело смотреть на скончавшегося больного, совсем другое на кровного родственника.

В «Вольво» Лиана разрыдалась.

– Всю жизнь теперь не прощу себе. Ну почему не дала ей денег? Кричала на нее, да еще обругала. Ведь знала, что Нинелька не совсем в себе! Господи, как жить-то дальше?

– Не расстраивайся, – попробовала я утешить девушку, – ты тут ни при чем. Вот смотри, какую записку она оставила. Кстати, кто такие Вера и Коля? Да, еще Леонид... Костя, Жора...

Лиана грустно улыбнулась.

– Никто, всех она придумала.

– Зачем? – изумилась я. Врать в предсмертной записке!

– Да никакие это не записки, – уверенно сказала Лиана. – Нина – выдумщица и фантазерка. Всегда с собой бумагу таскала. Что в голову придет – тут же запишет, а потом стихи ваяет...

Я с сомнением покосилась на собеседницу. Сдается, сло-

воохотливая Лиана открыла далеко не все семейные тайны. Впрочем, теперь это уже не мое дело. Несчастливая самоубийца будет погребена, а не останется безымянным куском мяса на железной полке.

Я довезла Лиану до дома, дала ей свой телефон и покатила в Ложкино.

В столовой восседала Алиска в черном кружевном пеньюаре. На тарелочке перед ней одиноко скучал хрустящий хлебец. Чего-чего, а воля у Алисы железная, диету она держит строго и редко позволяет себе мучное, сладкое и жирное.

– Явилась! – воскликнула гостя. – Куда по ночам ездешь? Небось трахаться?

На этот раз я не покраснела, очевидно, уже привыкла к Алискиным фривольностям.

– Ночевала дома, – сообщила я и пощупала кофейник. Чудеса, да и только! В нашем доме подают прямо обжигающий кофе.

– В машине, что ли? – хмыкнула балерина. – Слышала, слышала, как подкатила.

– Ну да, – принялся оправдываться мой язык, – ездила с утра по делам.

– Ничего себе! – изумилась Алиса. – Сейчас-то самый рассвет!

Я взглянула на часы, показывающие полвторого, и промолчала.

– Кстати, – встрепенулась Алиска, – знакомься, Филя.

Сидевший по левую руку от нее мужчина улыбнулся во весь рот, обнажив идеально белые, ровные зубы.

– Очень приятно. Даша, – пробормотала я, машинально ощупывая языком качающийся штифт.

Бывают же такие счастливцы, незнакомые с бормашиной.

– Рад невероятно, – продолжать сиять Филя.

– Ну будет приседать и раскланиваться, – урезонила Алиска.

Я налила кофе и принялась аккуратными глотками отпивать горячий напиток, с непривычки и обжечься можно. Филя ловко мазал тосты вареньем. Выглядел любовник безупречно. Такие мужчины, как правило, демонстрируют одежду и красуются на обложках журналов – светлые, красиво подстриженные волосы, смеющиеся голубые глаза, яркий рот и изумительный цвет кожи человека, отлично питающегося и спящего не менее восьми часов. Наверное, какой-нибудь актер или певец. Алиска постоянно окружала себя людьми искусства, правда, замуж предпочитала выходить за бизнесменов.

– Прошу извинить, – вновь заулыбался Филя, – должен пойти в спальню, время пообщаться с духом Юмо.

Легкой пружинистой походкой он двинулся к двери и открыл створку. Тут же в столовую, шумно пофыркивая, влетели наши собаки. В доме их пятеро – ротвейлер Снап, питбуль Банди, пудель Черри, английский мопс Хуч и йоркширский терьер Жюли.

Сначала хотели только двух псов – Снапа и Банди, но потом стая начала разрастаться. Пуделя оставил на несколько дней знакомый, уезжавший в командировку. Прошло три года, а он и не вспомнил о Черри. Хуч принадлежит ближайшему приятелю, Александру Михайловичу. Но тот работает в системе МВД, целыми днями, а порой и ночами пропадает на работе. Маленький мопсик сначала скучал, потом стал болеть. Пришлось взять его к себе. А Жюли привела с собой няню близнецов.

– Ах, вы мои собачечки, – засюсюкала Алиса, хватая сыр, – идите к мамочке за угощением.

Нашим псам не надо повторять два раза. При виде любой еды они делаются невероятно ласковыми и послушными.

Я посмотрела, как Алиса режет огромными кусками «Маасдам», и робко произнесла:

– Кеша не любит, когда животных кормят со стола.

– Подумаешь, – взвилась Алиска, – буду я еще его слушать. Пусть попробует мне запретить.

Я вздохнула. И правда, пусть только попробует; легче остановить несущийся паровоз.

– Собаки создают дома благоприятное биополе, а кошки принимают на себя болезни хозяев, – сообщил замерший в дверях Филя, – поэтому они должны быть максимально приближены к людям. Многие больные сумели бы навсегда избавиться от недугов, заведи они дома маленького котенка.

– Вот, – удовлетворенно поддакнула Алиса, – слушай, что

профессионал говорит.

– Кем он работает? – спросила я, когда Филя ушел.

– Колдует, – ответила Алиска.

– Что? – не поняла я.

– Филя – колдун, – невозмутимо заявила подруга.

– Экстрасенс, что ли? – продолжала недоумевать я.

– Нет, – пояснила Алиса, запихивая в разинутые собачьи пасти огромные кусищи сыра, – колдун, член ордена «Белая цапля», магистр великого тура и Ванга.

Я затрясла головой.

– Ванга? Так она же болгарка и уже покойная.

– Это аббревиатура. Великий Ангел Новый Гениальный Артемид – Ванга.

– Артемид, кто такой? – не успокаивалась я.

– Да отвяжись ты наконец, – вскипела гостья. – Какие-то их магические имена и прозвища. Понятия не имею. Знаешь, сколько он зарабатывает?

– Ну?

– Меньше тысячи долларов в день не бывает.

– За что такие деньги платят?

– Амулеты делает, защиту ставит на дом и бизнес, на картах гадает, привороты-отвороты, судьбу меняет, карму то есть. Еще отодвигает время смерти.

– Это как?

– Ну, предположим, ты приходишь к нему и просишь посмотреть свое будущее. А там ясно – умрешь через месяц.

Филя четко видит дату смерти и меняет код судьбы, делает так, что ничего плохого не происходит.

Я расхохоталась. Ну ничего себе! Сам видит дату и сам ее изменяет. Ловкое мошенничество. Находятся же дураки, которые верят всерьез.

– Ничего смешного, – обиделась Алиса, – он единственный в Москве владеет техникой вуду и умеет общаться со злобным духом Юмо. Кстати, Филя предсказывает, что нас ждет скорая смена правительства и резкие колебания экономического курса.

Я опять радостно засмеялась. Хорош ясновидец! Да такое и я могу прогнозировать, вот пообещал бы что-нибудь непредвиденное, было бы чему удивляться.

– Ладно, – окончательно обозлилась Алиска, – вот заставлю его тебе погадать, сама увидишь.

Глава 6

Через два дня позвонила Лиана.

– Уж извините, – смущенно забормотала она в трубку, – завтра хороним Нину, вот подумала, может, захотите проститься...

Во вторник, сжимая в руках букет темно-красных гвоздик, я подошла к дверям Николо-Архангельского крематория. От небольшой группки людей отделилась фигурка и помахала мне рукой. Одетая во все черное, Лиана выглядела старше.

– Спасибо, что пришли, – грустно сказала она, – сейчас как раз наша очередь подошла.

Четверо мужчин понесли гроб внутрь. Все двинулись следом. Потянулись тягостные минуты молчания, слышались всхлипы и вздохи.

– Как смерть человека меняет, – услышала я за спиной.

Я машинально повернулась. Крупная большеногая женщина качала головой.

– Ниночка сама на себя не похожа, словно это не она, только волосы прежние. Надо же так перемениться: и нос другой, и лоб, и губы.

– Ладно тебе, Надежда, – буркнул мужик, стоящий рядом, – покойник всегда другим кажется.

– А вот и нет, – настаивала Надя, – ты на руки погляди! У

Нинельки пальцы короткие и толстые, а тут прямо веточки, и полнее Нинелька раза в два.

– Ой, замолчи, – зашипел мужчина, – имей совесть, хоть у гроба язык придержи!

Надежда шумно задышала; так сопит наш мопс Хуч, когда Аркашка прогоняет его из кресла.

Терпеть не могу поминки и уж совершенно не переношу, когда приходится при этом бывать в компании абсолютно незнакомых людей. Но Лиана мертвой хваткой вцепилась в мою руку:

– Ну прошу тебя, просто умоляю...

Пришлось покориться. Поминки устроили на Сиреневом. Запущенная квартира действовала угнетающе. Видно было, что тут проживали люди, которым абсолютно наплевать на быт. В ванной и туалете кое-где отлетел кафель, раковина с трещиной, шланговый душ замотан лейкопластырем. Маленькая кухонька поражала полным хаосом. Подоконник заставлен банками, бутылками и кастрюльками. На плите почему-то громоздится электрочайник, и запах стоит невыносимо гадкий. То ли где-то под мойкой и впрямь завелись мыши, то ли покойная никогда не мыла помойное ведро.

Стол накрыли в большой комнате, отодвинув для этого к окну тумбу с телевизором. Здесь тоже пахло отвратительно, но по-другому, чем на кухне, – пылью, старыми книгами и лежалым бельем.

Мое место оказалось возле Надежды, и женщина недрог-

нувшей рукой налила мне стопку водки, граммов сто, не меньше. Я с тоской покосилась на хрустальную «бомбочку». Ну вот, придется пить. Обычно в незнакомых компаниях ко мне сразу начинают привязываться: «Давай, давай, до дна, не обижай хозяев». Потом следуют аффекты: «Ишь, гордая, запахло ей с нами...» Но я на самом деле не могу пить.

Сейчас, когда все вокруг обнаружили у себя дворянские корни, мне похвастаться нечем. Прадедушка был сапожник и, насколько знаю, его отец тоже. Прабабка ходила мыть полы к местному священнику. Добрый батюшка держал служанку исключительно из христианского милосердия, потому что женщина приплеталась на работу покачиваясь и частенько заваливалась на кухне спать, оглашая тихий дом церковнослужителя густым пьяным храпом. Не отставал от нее и муж. Впрочем, даже есть пословица – «пьет, как сапожник», да и выражение «напиться в стельку» – тоже о представителях данной славной профессии, и прадедушка оправдывал репутацию на все сто. Трезвым его не видели никогда.

Надо же было случиться, что в такой семье родился удивительно тихий, послушный и талантливый сын. Однажды священник с изумлением отметил, что мальчик в пять лет бегло читает и умеет совершать простые арифметические действия. Батюшка пригрел ребенка, а когда запойные родители скончались, усыновил сироту, выучил и даже добился для него стипендии в университете.

Перед смертью священник велел моему будущему деду

поклониться на Библии.

– Вот, – проговорил он, протягивая книгу, – обещаю, что никогда в жизни не прикаснешься к зелью.

Дедушка, тогда еще студент, никогда не нарушал своей клятвы. Только потом выяснилось, что бабушка волновалась зря. У деда оказалась аллергия на алкоголь. Он не то что пить, даже нюхать ничего спиртосодержащего не пытался. Всякие лекарственные настойки, валокордин, корвалол моментально вызывали реакцию отторжения. Моя мать не могла, говорят, даже принять стаканчик пива. Я моментально падаю, проглотив чайную ложку коньяка, правда, могу выпить чуть-чуть вина или ликера.

Один специалист-генетик объяснил нам, что людей, чьи предки были алкоголиками, как правило, поджидают два пути: либо они тоже спиваются, либо совершенно не переносят горячительного. Что-то он еще говорил о ферментах, особенностях желудочно-кишечного тракта, но я не поняла. Уловила только суть – я из тех, кто пить не может.

В молодости из-за этой моей особенности возникало много проблем. Веселых студенческих сборищ, где бидонами выпивались сомнительные напитки «Солнцедар» и «Горный дубняк», я избегала, как чумы, прикидываясь примерной маменькиной дочкой. Сложнее пришлось на работе.

В нашем заштатном институте после каждого заседания кафедры устраивалось застолье. Стоило мне в первый день прийти на службу, как коллектив радостно загудел. Я купи-

ла несколько бутылок «Московской» и килограмм вареной колбасы. Сели, налили, опрокинули... Потом главный алко-навт, профессор Радько, грозно спросил, указуя перстом на мою полную рюмку:

– Почему не трогаем?

– Не употребляю, – категорично заявила я.

Повисло тягостное молчание. Шел 1980 год. И у всех в голове возникло только одно предположение: на работу при-слали стукачку. Сейчас дождется, пока все напьются, рассла-бятся, разболтаются, а потом побежит куда надо доклады-вать, кто какие анекдоты травил...

Глядя в изменившиеся лица коллег, я безнадежно сказала:

– Ладно, эту рюмку выпью, только домой потом отвезите.

В Медведково меня доставил на своей машине лично про-фессор Радько. Он же вызвал «Скорую помощь» и даже за-платил докторам за «реанимацию». С тех пор меня никогда пить не заставляли. На стол коллеги водружали бутылку ли-монада «Буратино» и приговаривали:

– Это, Дашка, тебе. Посудку потом помой, трезвая ты на-ша.

Не пристают ко мне с предложением выпить и близкие приятели, но с незнакомыми людьми начинаются сложности.

Вот и сейчас толстый мужик громовым голосом заявил:

– Не уважаете нас, за покойницу не подняли.

Но я теперь умею отбиваться.

– Язва желудка замучила.

Обычно подобного заявления хватает, чтобы отвязались, но не в этот раз.

– Так некоторые язву водочкой лечат, – настаивал мужчина, – давайте, а то обидимся...

– Отстань, Лешка, – велела Надежда.

– Нет, пусть выпьет за Нинельку, чтоб земля ей пухом, – не успокаивался Алексей.

– Ладно тебе, – вмешалась незнакомая женщина, – чего привязался.

– Нет, – уперся захмелевший мужик, – пока не опрокинет, из-за стола не выпущу.

– Вот идиот, – в сердцах воскликнула Лиана, – не обращай на него внимания. Пойдем, вынем пирог из духовки.

Полная благодарности, я побежала за ней на кухню. Мне вручили большой поднос с кулебякой. Стараясь не уронить изумительно пахнущий кулинарный шедевр, я задом попятилась в прихожую, аккуратно стала разворачиваться и услышала стук входной двери.

– Что тут происходит? – раздался недовольный молодой женский голос.

Странный вопрос для пришедшей на поминки. Я попробовала разглядеть новую гостью, но в маленькой прихожей почти непроглядная темнота.

– Да вы пройдите в комнату, – велела я, с трудом удерживая тяжеленный пирог, – там все.

– Ладно, – грозно сообщила женщина.

Я снова пошла на кухню, а таинственная незнакомка сумела продвинуться в помещение, где вовсю шли поминки.

– Назад несешь? – удивилась Лиана.

– Там женщина появилась.

– Кто?

– Не знаю.

В этот момент из комнаты раздался крик. Так вопит стадион, когда болельщики видят необыкновенно красивый гол, на одном дыхании, все сразу: а-а-а!

Мы с Лианой разом кинулись в коридор. Я не удержала пирог, и кулебяка с размаху вылетела в прихожую, шлепнувшись в чьи-то ботинки. Крик продолжался. Чертыхаясь, Лиана понеслась в комнату и завизжала. Я отодвинула ее и уставилась на виновницу переполоха.

У стола стояла полноватая женщина. Красивые черные волосы спускались волнами на плечи. Огромные бездонные карие глаза гневно оглядывали гостей. Тонкий нос подрагивал, а полукружья бровей грозно насупились.

– Что здесь происходит? – закричала гостья.

Лиана, не говоря ни слова, села на пол. Толстый мужик, предлагавший мне выпить, абсолютно бледный, вытянув вперед руки, словно заведенный, твердил:

– Нет, нет, нет...

– Говорила же, – завопила Надежда, – в гробу не она лежала. Нинелька совсем другая, а вы мне: смерть меняет! Вот она, живехонька-здоровехонька!

– Вы Нинель Сундукян? – спросила я в ужасе. – Нина Вагановна, поэтесса?

– Она самая, – подтвердила женщина, раздраженно смахивая со лба спутанные прядки, – именно Нина Сундукян. Кстати, я здесь живу и совершенно не понимаю, что происходит в моей квартире и отчего тут устроен праздник!

– П-п-праздник, едрена Матрена, – ожил толстый мужик, – ни фиги себе удовольствие, на поминки собрались, после похорон.

– Умер-то кто? – изумилась Нина. – Но... почему у меня в квартире?

– Так тебя сегодня кремировали, – радостно пояснила Надежда, – жаль, не видела. Здорово все прошло. Платье надели бархатное, темно-синее, платочек кружевной, цветов принесли, речь сказали, а теперь, вот погляди, стол собрали, не одну тысячу истратили...

– Кто же сказал, что я умерла? – изумилась Нина.

– Лианка, – ответила Надя.

Лиана медленно помотала головой.

– Лично твой труп видела.

– Значит, не мой, – спокойно ответила Нина и расхохоталась: – Ну и морды у вас!

Лица присутствующих и впрямь слегка вытянулись.

– Не может быть, – схватилась за голову Лиана, – я же видела твое тело!

– Следовательно, не мое, – усмехнулась Нина, – зря обра-

довалась.

– Так чье же? – воскликнула Лиана. – Кого мы сегодня кремировали?

Вот это вопрос!

Успокоились не сразу. Потом снова сели за стол и принялись радостно поднимать бокалы за здоровье хозяйки дома. Через час присутствующие оказались пьяными в стельку. Трезвыми оставались только я и Нина.

– Просто Кафка, – вздохнула хозяйка, закуривая, – ни за что бы не поверила, если бы кто рассказал про такое! Ну Лианка, ну дура, ну что же ты мне устроила! Как теперь паспорт получать... да и доказывать придется, что я жива! Вот уж поторопилась меня похоронить...

Ее довольно полные руки нервно вздрагивали.

– Не ругайте сестру, – тихо сказала я, – она очень переживала, что толкнула вас на самоубийство.

– Фу, – гневно воскликнула Нина, – придет же такая дурь в голову!

Я молча вытащила из сумки записку и протянула женщине.

– Вы писали?

– Никогда. И почерк не мой.

– А в Доме творчества отдыхали?

Нина многозначительно улыбнулась.

– Зачем вам знать?

– Искали погибшую женщину и следы привели к писате-

лям...

Сундукян ухмыльнулась:

– Да уж, не хочешь себе зла, не делай людям добра! Пожалела Людмилку, вот и результат.

– Кого?

– Людмилу, стоматолога.

Я непонимающе уставилась на Нину, и та мне все объяснила.

Зубы у Нины плохие с детства, вот всю жизнь и мучается. Много лет искала хорошего врача и напала на Людмилу Георгиевну Шабанову. У той – золотые руки. Ниночка стала постоянной клиенткой ее кабинета. Сначала просто ставила пломбы и штифты, затем женщины подружились, сблизились, стали вместе ходить в театры и на концерты. У Людмилы не было семьи, Нина тоже не обременена ни мужем, ни детьми. Отношения крепки.

Не так давно Мила пожаловалась Нине, что очень устала. Люди раздражают ее до бешенства, даже в метро ездить противно.

– Отдохни, – посоветовала Сундукян, – скатай на море, в Египет или Эмираты, там сейчас классно.

– Не хочу, – отрезала подруга, – на курортах полно народа. Мне бы куда-нибудь в глушь, чтоб никого рядом и тишина... Только где найдешь подобное?

И тут Нине пришла в голову гениальная мысль.

– Слушай, давай устрою тебе путевку в Ложкино, почти

даром поедешь. Зимой там, говорят, никого.

– Как мы это сделаем? – удивилась Мила. – Я же не писательница.

– Мы с тобой похожи, – воодушевилась Нина, – обе черненькие, смуглые, глаза карие. Ты, правда, постройней будешь, да в паспорте только лицо. Я оформлю путевку на себя, а поедешь ты, и никто не заметит. Сама я в этом Доме творчества никогда не была, никто меня там не знает. Будешь на Сундукян откликаться, всех делов-то. Зато путевку получишь за копейки, как член Литфонда.

Нина вытащила паспорт, и Мила согласилась, что по фотографии невозможно понять, кому из них принадлежит документ. Снимок делали давно, Нинель тогда носила другую прическу, да еще очки в придачу. В прошлом году Нина сделала операцию лазером и избавилась от близорукости.

Горя желанием помочь подруге, Сундукян понеслась в Литфонд. Через неделю Мила отбыла на отдых.

– А вы куда подевались? – прервала я повествование.

Нина пожалала плечами.

– Никуда, ездила на две недели в Кострому, там устраивали праздник поэзии и фестиваль.

Я потрясенно молчала. Значит, похоронили Людмилу Шабанову?

– У Милы были дети или муж?

Нина молча курила в форточку, меланхолично наблюдая, как клубы дыма теряются в воздухе.

– Взгляни на серый дым над крышей. Все холоднее холода, к которым он уходит, вот так и ты уйдешь за ним...

– Что? – растерялась я.

– Это Бертольт Брехт написал, – пояснила поэтесса, раздавливая окурки в пустой консервной банке, служащей в этом доме пепельницей, – гениальный Брехт, абсолютно неправильно понимаемый в нашей стране. Вы что-то сказали?

– Семья у Милы есть?

Нина задумчиво повертела банку.

– Да нет как будто бы, по крайней мере сейчас.

– А раньше? Может, у нее остались дети...

Нина покачала головой:

– Как раз думаю сейчас о том, что совершенно ничего не знаю о ее прошлом. Мы познакомились два года назад, и она никогда не упоминала о своих близких. Один раз только обронила, что воспитывалась в детском доме. Мы ехали в автобусе по Холмской улице, и она, указав на маленький дом, сообщила: «Вот тут прошло мое детство, не дай бог кому-нибудь такое».

Сундукян поинтересовалась почему. Тогда Мила ответила:

– Здесь уют, слышала, остановка называется «Детский дом»? Так я в нем несколько лет провела, все испытала: голод, холод, побои. Спасибо Елене Вадимовне, воспитательнице, это она меня в стоматологический пристроила.

Потом, словно испугавшись, закрыла рот. Нинель попробовала снова завести этот разговор, но Мила ловко переменяла тему и больше никогда к ней не возвращалась. Не знала Нина ничего о том, как жила Мила до их встречи. Подруга никогда не рассказывала о бывшем супруге или других родственниках, о детях также не упоминалось. Вообще-то она была приветливой, контактной, охотно приходила в гости и с удовольствием приглашала к себе, вот только о прошлом предпочитала не распространяться. Впрочем, и у Нины ничего не выспрашивала, довольствуясь тем, что подруга сообщала сама.

Я сбегала в машину и принесла сумочку.

– Узнаете?

– Да, – безапелляционно заявила Нинель, – Милочкин ридикюльчик. Я ей его на Новый год подарила, разорилась.

– Не помните, в чем она уезжала?

Собеседница покачала головой:

– Не провожала ее. Просто созвонились перед отъездом. Но ведь было довольно прохладно. Наверное, накинула норковый полушубок и кожаную шляпку, с мехом, черненькую.

– Почерк ее знаете?

Нина призадумалась.

– Думаю, что нет. Мы не переписывались, больше об искусстве говорили: театр, литература, живопись... Думаете, Милочка умерла?

Я с сомнением покосилась на сумочку. Вроде все свиде-

тельствует о том, что из окна шагнула Людмила Георгиевна Шабанова, но ведь еще несколько часов назад я так же абсолютно уверена была в смерти Нинель Сундукян. А она вот, сидит передо мной. Второй подобной ошибки допустить нельзя.

Глава 7

Утром снова вошла в кабинет капитана. Тот от возмущения покраснел и гневно спросил:

– Ну?

Я принялась объяснять суть.

– Уж извините, перепутали. Самоубийцу на самом деле звали Людмила Шабанова, Нина Сундукян жива.

– Как это жива? – изумился следователь. – Вы тело видели? Опознали?

– Да сестра ошиблась, – каялась я, – погибшая страшно похожа на Сундукян. Тоже смуглая, волосы черные, глаза карие, потом учтите стресс... Лиана нервничала и не разглядела как следует.

– Бред, – возмутился капитан, – первый раз с подобным сталкиваюсь. Глупость несусветная и безответственность. С чего вы решили, что умершая Сундукян? Кто это придумал?

Я начала бестолково излагать факты. Капитан замахал руками:

– Дамочка, вы из коттеджного поселка Ложкино?

– Да.

– Ясно. Не работаете небось, делать целыми днями нечего. Так вы собачку заведите, пуделя. А нам не мешайте. Теперь целое дело назад возвращать, труп оформлять...

– А его нет, – сообщила я.

– Куда подевался?

– Кремировали вчера.

– По документам Сундукян?

Я безнадежно кивнула. Капитан раскрыл рот, но удержался все же от крепких выражений, только прошипел:

– Давайте все координаты: адреса, телефоны.

– Чьи? Свои?

– И свои тоже, – лютовал следователь. – Ну заварила кашу!

– Меня накажут?

Капитан тяжело вздохнул и вытащил сигареты. Отчего-то он перестал меня раздражать. Внезапно стало понятно, что следователь скорей всего незлой человек, просто задерган и измучен до крайности, да еще карьера явно не удалась: лет ему не так уж и мало, а сидит в районном отделении с мелкими звездочками на погонах.

Я, похоже, тоже непонятным образом начала ему нравиться, потому что милиционер неожиданно улыбнулся:

– Ну артистка, зла не хватает. Когда узнали-то, что Сундукян жива?

– На поминках.

Следователь ухмыльнулся:

– Устроили цирк. Теперь родственники в суд на вас подадут, слупят все деньги за похороны, да еще моральный ущерб припишут, кругленькая сумма получится.

– Давайте проверим Шабанову, – попросила я.

– Дама... – завелся мент.

– Меня зовут Даша.

Следователь закурил новую сигарету.

– И отчество напомниме.

– Ивановна.

– Так вот, Дарья Ивановна...

– А к вам как обращаться? – не утерпела я.

– Николай Васильевич. Так вот, многоуважаемая Дарья Ивановна, идите домой спокойно, компетентные органы во всем разберутся.

Я выползла на станционную площадь с гудящей головой. Естественно, никто ни в чем разбираться не станет, у них теперь благодаря моим стараниям даже труп нет. В принципе я могла заставить этого капитана работать. Полковник Дегтярев, довольно крупный милицейский начальник – мой давний друг. Сколько раз помогал он нам в самых разных обстоятельствах! И, честно говоря, при любых жизненных неприятностях я привыкла тут же звонить ему. Но Александр Михайлович как назло взял отпуск и уехал. Мы отправили его к Наташке в Париж, и он сейчас, наверное, ходит по Лувру или Сен-Дени, любуясь картинами и скульптурами. А я стою посредине грязной площади и решаю сложный вопрос: если самоубийца и впрямь Людмила Шабанова, то где ее дочка? Кто такой Николай? И за что она убила неизвестного Леонида?

Робкое солнце пробилось сквозь тучи. Его лучи освети-

ли ряд ларьков с нехитрым водочно-пивным ассортиментом. Между торговыми точками, прямо в грязном снегу мирно спал местный бомж Костя. Я хорошо знала этого оборванного мужика. Сколько ему лет – загадка. По виду около шестидесяти, но на самом деле может быть и тридцать. Синее распухшее лицо, всегда подбитый глаз и вечная грязь на лице затрудняют возможность определения возраста. Он постоянно отирается возле павильонов в надежде на подачку. В отличие от множества других бомжей Костя никогда не ворует и пытается работать. Подметает площадь, сгребает снег, протирает стекла, мне он частенько подносит тяжелую сумку с бутылками минеральной воды. Одна беда – получив в руки хоть какую-нибудь наличность, Костик моментально покупает «огненную воду» и напивается. Вот и сегодня, видно, уже успел где-то подзаработать, потому что блаженно дрыхнет, подсунув под голову яркую дорожную сумку.

Я подошла поближе. Всклоченная вонючая шевелюра бомжа покоилась на ярких картинах. Тут и там нарисованы веселые личики Микки-Мауса, Гуффи и Минни-Маус. Дуррацкая сумка из Диснейленда! Именно с ней уезжала из Дома творчества лже-Сундукян.

Наклонившись, я потрясла Костю за плечо.

– Эй, проснись!

Бомж разлепил веки и попытался сфокусировать взгляд. Но это не получалось, зрачок уплывал куда-то вбок. Вздыхнув, я купила бутылку пива и сунула Косте в руки:

– Возьми.

«Балтика» оказала волшебное действие. Тело пьяницы село, руки моментально перестали трястись, и он почти трезвым голосом поинтересовался:

– Что делать надо?

– Скажи, – попросила я, стараясь не вдыхать исходящие от него ароматы немытого тела, мочи и перегара, – где сумочку взял?

Костя уставился на яркую кожу и яростно зачесал в затылке.

– Эту?.. Нашел.

– Прямо так и нашел?

– Ага, иду себе, а она на дороге валяется.

– Где?

Бомж опять призадумался, потом начал описывать рукой замысловатые кренделя.

– Ну там, возле леса, аккурат у поворота на шоссе, в канавке. Думал, чего хорошее лежит, а там только шмотки кое-какие да пудра с помадой.

– Покажи вещи.

– А на фига они мне. Ленке отдал, пусть носит.

Ленка – абсолютно высохшая от пьянства баба – нашлась у будки стрелочника.

– Вещи? – хитро переспросила она. – Ничего не видала, врет Костя. Чего ты вяжешься, твои, что ли?

Я достала из бумажника сто рублей и повертела перед ее

НОСОМ.

– Хочешь?

Ленка уставилась на огромную, по ее понятиям, сумму, шумно сглотнула и спросила:

– Делать-то чего?

– Покажи вещи, которые дал Костя. Да не бойся, не заберею, только посмотрю и верну.

Ленка огорченно шмыгнула носом.

– Продала, там штуки такие были... мне ни к чему.

– Кому?

Пьянчужка посмотрела в сторону каскада блочных домов.

– А шут их знает! Встала у станции, бабы с электрички пошли, мигом расхватали. Вот сумочку такую маленькую, с помадой, Любке подарила, продавщице из винного, она всегда со мной ласковая.

Пришлось идти в горку, к павильончику с вывеской «Богатырь». Вообще спиртное на станции продается повсюду. Но местные алкоголики предпочитают «Богатырь». Его хозяин резко увеличил свои доходы, начав торговать водкой в розлив. Причем продавцы безбожно разбавляют «брынцаловку», справедливо полагая, что пьяницы не слишком разбираются в качестве напитков. Люба – добрая баба и изредка наливает кое-кому бесплатно из жалости, за что и получила косметичку.

Услыхав про подарок, Люба покраснела:

– Ваша косметика, да?

– Уж извините, – изобразила я смущение, – будьте любезны, покажите.

Люба вытащила из-под прилавка красивую замшевую сумочку и пояснила:

– Ленка в долг водку брала, а денег все не несет. Ну я и отобрала у нее, так сказать, в залог...

Густо подведенные глаза продавщицы бегали из стороны в сторону. Небось частенько забирает у пьянчужек краденое, но меня абсолютно не волнуют ее моральные устои. Руки сами потянулись к замшевому мешочку, а губы произнесли:

– Ну надо же, нашлась! Потеряла, когда сигареты покупала, а Ленка, наверное, подобрала.

– Что с них взять, пропащие люди, – резюмировала Люба, с жалостью глядя на уплывающую из ее рук косметичку.

Я оставила ей сто рублей и, подпрыгивая от нетерпения, побежала к «Вольво».

Шабанова не жалела на себя денег. Внутри торбочки лежала только элитная косметика, я тоже пользуюсь подобной. Губная помада, тон, тушь для ресниц, румяна – все вызывающе ярких тонов, на грани вульгарности. Хотя на женщине-брюнетке это должно смотреться неплохо. Но самая ценная находка оказалась именно здесь. В сумочке обнаружился небольшой кармашек, а в нем связка ключей с кожаным брелоком.

Я вытащила мобильник и позвонила Нине Сундукян.

– Адрес Шабановой, пожалуйста, скажите.

– Березовский проезд, 18, квартира семьдесят. А зачем это вам?

Но я уже хлопнула крышечкой телефона и завела мотор. Отлично знаю этот проезд, там проживает одна из моих бывших свекровей.

На колечке болталось четыре ключа и пластмассовая палочка. Сообразив, что при помощи последней можно открыть домофон, я ткнула ею в отверстие и вошла в подъезд. Чисто, светло и откуда-то доносятся звуки радио.

Дверь в квартиру, явно железная, обитая кожей светло-песочного цвета, выглядела дорого и элегантно. Ключи беззвучно провернулись в замках, и я вступила в небольшую, но безупречно отделанную прихожую. Встроенные шкафы сияли зеркальными дверями, пол затянут ковролином. Две небольшие комнаты просто сверкали. Мебель, натертая воском, полы покрыты лаком, занавески невероятно чистые. В кухне все мелочи ярко-красного цвета, и от этого она выглядит празднично.

Я принялась рассматривать внутренности шкафов. На полках полным-полно дорогой, красивой одежды. Одних шерстяных пуловеров больше дюжины. Ну, конечно, хорошо зарабатывала и баловала себя любимую. Вот только не похоже, что она была сумасшедшей. Обстановка без слов рассказывала о хозяйке: аккуратная, слегка зануда. Вон как ровно стоят чашки в буфете, все ручками в одну сторону, да и в ванной – два полотенца висят просто по линейке и шампу-

ни вытянулись по росту. У нас дома все бутылки вечно остаются открытыми...

В спальне, на маленьком столике, возле удобной просторной кровати, в дорогой серебряной рамке стояла фотография. Я схватила снимок. Да, это она. Только на фото черные глаза смотрят ласково, полные, сочные губы растянуты в улыбке и все лицо мягкое, незащищенное, а не злое и ожесточенное. Красивой, полуобнаженной рукой Людмила обнимает за плечики худенькую темноволосую девочку, одетую в яркий костюмчик. По виду ей, тоже радостно улыбающейся, года два, не больше. Я повертела в руках глянцевую бумажку – с оборотной стороны ничего, только дата: 1999 год. Значит, дочка все же есть, только где она?

В квартире ничто не говорит о присутствии ребенка: нет игрушек, книжек и детских вещей. Ни кровати, ни коляски, ни велосипедика... Значит, в предсмертной записке чистая правда. Где-то живет некая Верочка, и в случае кончины Людмилы она умрет от голода.

Я закурила «Голуаз». Шабанова уехала из Дома творчества раньше срока. Значит, ее родственники думают, что Мила отдыхает себе в Ложкине, и совершенно не волнуются, тревожиться начнут, когда та не вернется в Москву в положенное время.

Я открыла секретер в «стенке» и нашла там коробку с документами. Расчетные книжки за свет, газ и квартиру, несколько оплаченных телефонных счетов, пара каких-то че-

ков. Здесь же паспорт, диплом об окончании Третьего медицинского института, удостоверение. Я открыла синюю книжечку.

Шабанова Людмила Георгиевна, занимаемая должность – стоматолог и таинственные буквы ООЗТП. Все, никаких документов ребенка: ни метрики, ни медицинской карты. Скорей всего девочка живет в другом месте, только где?

Внезапно мне стало холодно и неуютно, в открытую форточку начал задувать ледяной ветер. Я выбросила на улицу окурок, пошла было к двери, но потом вернулась, взяла со столика фотографию, а из секретера один из междугородных счетов.

Следователь Николай Васильевич при моем появлении только безнадежно вздохнул. Я выложила на стол ключи, фотографию и счет. Капитан выслушал меня и попытался вразумить в последний раз:

– Ну зачем вам это? Дело у меня закрыто. Самоубийца опознана как Сундукян Нина Вагановна, тело кремировано, все, конец.

– Ничего себе, – возмутилась я, – разве не рассказывала я вам утром про Шабанову? Смотрите, вот он, ребенок, без мамы остался.

– Дела нет, – твердил свое следователь.

– Так заведите.

– На каком основании?

Я подумала секунду и выпалила:

– По факту перепутывания тела и похорон другой личности.

Нет, все-таки стены милиции давят на психику. Сама стала изъясняться нечеловеческим языком.

Николай Васильевич посинел и четко отрезал:

– Вот принесут заявление, тогда и открою дело.

– Так я прямо сейчас и напишу, – обрадовалась я.

– Ну уж нет, – возразил капитан, – бумагу приму либо от самой Сундукян, либо от родственников Шабановой. А вас прошу ко мне больше не ходить.

– Ладно, – покладисто сказала я, – сделайте только одно доброе дело напоследок.

– Какое?

– Узнайте, кому принадлежит телефон, по которому звонила Людмила, и что за предприятие такое ОООЗТП.

Неожиданно следователь охотно согласился.

– Договорились, но только в обмен на услугу.

– Какую?

– Я сообщу вам требуемое, а вы больше никогда ко мне не придете, идет?

«В конце концов можно побеспокоить и начальника отделения», – подумала я и легко согласилась.

По дороге домой позвонила Нине.

– Когда вы соберетесь в милицию заявлять, что живы, позвоните, я вас отвезу.

– А я никуда не поеду, – заявила Нина, зевая.

От удивления я чуть было не вылетела в кювет и, съехав на обочину, спросила:

– Как же так?

– Да просто, – пояснила Нина. – Представляете волокиту воскрешения из мертвых? Справок заставят собрать чемодан. Отнесла сегодня заявление в паспортный стол, что якобы сумочку украли, а там документы. Через две недели новый получу, и все дела.

У меня на мгновение пропал голос.

– Но ведь Шабанову кремировали под вашим именем.

– Ну и что? – заявила поэтесса. – Ей теперь все равно.

– Значит, на нише прикрепят табличку «Сундукян Нина Вагановна»?

– На могильной плите можно написать любое имя. Кстати, никто не собирается забирать урну из крематория. Ее там год подержат, а потом захоронят как не востребовавшийся прах за госсчет.

У меня сильно застучало в висках, очевидно, от подобных заявлений кровь бросилась в голову.

– Послушайте, – попробовала я воззвать к человеколюбию, – сами говорили, будто Людмила ваша подруга. У нее осталась дочка. Начнут искать Милу, никому и в голову не придет, что тело уже кремировано под другим именем. Нельзя так, следует навести порядок.

Нина ухмыльнулась:

– Ну, подруга – это сильно сказано, просто хорошая зна-

комая. Ни про какую дочку я и слыхом не слыхивала, а родственников у нее никаких нет, искать некому. Ей уже без разницы, все равно сожгли, а мне волокита и головная боль.

Я злобно ткнула пальцем в красную кнопку. Жалобно пискнув, «Эрикссон» отключился. Нет, какова! Интересно, как она думает получить новый паспорт, коли числится покойницей? Рассчитывает на нерасторопность наших соответствующих служб? Надеется, что информация о ее «смерти» еще не достигла паспортного стола? Что ж, такое возможно. Получит другой документ и преспокойно станет жить дальше. И абсолютно никого не волнует судьба маленькой девочки, потерявшей мать. Я вытащила снимок и еще раз посмотрела на веселые, счастливые лица. Потом завела мотор и поехала домой. Обязательно найду тебя, Верочка!

Глава 8

Дома опять дым коромыслом. В прихожей чьи-то пальто и куртки, из гостиной доносятся раскаты смеха. Я тихонько вошла в комнату.

– Ой, мусечка, – кинулась мне навстречу Маня, – Филя тут всем гадал, а сейчас мы совершаем обряд изгнания злых духов.

В гостиной толпилось человек десять неизвестных мне людей. У всех в руках свечи и какие-то бубенчики.

– Дашка, – крикнула Алиска, – ну наконец-то! Филя, дай ей быстренько трамболо.

– Что? – изумилась я.

– Так называется колокольчик, которым отгоняют злых духов, – пояснила раскрасневшаяся Ольга. – Мы сейчас выстроимся особым, магическим порядком и двинемся вокруг дома.

Я в ужасе поглядела на невестку.

– А где Кеша?

– Собак одевает, – ответила Зайка.

Не успела она закрыть рот, как в гостиную вошел Аркашка. От изумления я чуть не грохнулась оземь. На голове сына красовалась странная шапочка с рожками, украшенными бубенчиками, больше всего напоминающая колпак шута. У Банди и Снапа на шеях тоже колокольчики, Хучик упакован

в какой-то комбинезон из серебряной ткани, а Жюли и Черри украшены перьями из хвоста вороны.

– Так, живо стройтесь! – распорядился Филя.

Присутствующие бестолково заметались. Но колдун железной рукой навел порядок.

– Первым пойдет Аркадий, хозяин дома, с ротвейлером. Следом Дарья со Снапом.

Мне дали поводок в левую руку, а в правую всунули тяжелый бронзовый бубенчик.

– Отлично, – командовал маг, – следом мужчины по старшинству с другими собаками, потом женщины. Маша в самом конце.

– Не хочу быть последней, – начала капризничать девочка.

– Не спорь, а то в жабу превращу, – пообещал Филя.

Потом он взял в руки жезл, украшенный перьями. Ирка таким сметает пыль с картин. Ледяной мартовский ветер влетел в холл. Алискин любовник поднял руки вверх и пошел во двор, громко завывая:

– О-о-о-иа-ей!..

Дошагав до двери, Филя возмущенно стукнул жезлом в пол и повернулся к нам.

– Полное безобразие, так никогда злых духов не прогнать. Петь должны все, а когда стукну палицей о землю, нужно закрыть рты и в молчании трясти бубенцами. Поняли?

– Да, – раздался многоголосый хор.

– Тогда вперед! – приказал колдун.

Он снова двинулся к выходу, размахивая идиотской метелкой.

– О-о-о, и-и...

– Ей, ей, и-и-и, – завыли домашние и гости, подтягиваясь за ним во двор.

Снап принялся лаять, а Банди моментально налил лужу. Наш храбрый питбуль при малейшем намеке на опасность моментально писается.

– А-а-а! – стонал Филя.

– У-у-у! – вторили остальные.

Возмущенная до глубины души, я тем не менее почему-то была вместе со всеми. Процессия медленно потянулась во-круг дома. Колдун резко встал и стукнул палкой о землю. Все моментально замолкли и затрясли колокольчиками.

– О-о-о! – продолжала орать Маня.

– Нет, это просто невероятно! – вспыхнул шаман. – Неужели трудно запомнить: когда жезл ударяется о твердь, все закрывают рот.

– Простите, – пролепетала Маша, покрываясь пятнами, – забыла.

– Ничего, – неожиданно ласково заявил Филя, – ты, детка, не виновата. Все неудачи объясняются просто: есть среди нас человек, который не верит в изгнание духов, и он подсознательно нам мешает. Но мы объединим усилия и победим зло.

Я покраснела. Скажите, пожалуйста, какой психолог! Имени не называет, только намеки.

Следующий час провели в саду. Сначала ходили хороводом вокруг дома, потом прыгали на левой ноге, трясли головой, кланялись божеству Юмо и отгоняли злого Мумо. Наконец Филя обрызгал всех какой-то резко пахнувшей голубой жидкостью и повелел:

– А теперь можно вернуться, дом очистился.

Замерзшие и проголодавшиеся, все толпой кинулись в теплую столовую, где приветливо горел камин.

На столе пускал пар чайник. Я с благодарностью покосилась на веселую Алиску. И кипяток у нас теперь всегда, и обжигающий кофе. Картошка выглядит изумительно: аккуратные, ровные клубни, посыпанные укропчиком, и мясо зажарено в духовке огромным куском.

Мы в молчании поедали вкусный ужин. Я тихонько разглядывала незнакомых людей. Три не слишком красивые дамы и пять смазливеньких парнишек. Алиска всегда терпеть не могла возле себя интересных женщин и мужчин старше двадцати пяти.

– Интересуешься, – ухмыльнулась балерина, – сейчас познакомлю. Это...

Но она не успела договорить. С улицы раздался жуткий вой. От неожиданности Зайка уронила вилку, а кто-то из гостей громко ойкнул.

– Что это? – прошептала, бледнея, Маша.

– Наверное, бродячая собака в сад залезла, – отчего-то посинев, предположил Кеша.

– Не надо пугаться, – твердо сказал Филя, – просто Мумо вернулся!

– Кто? – почти в один голос вскрикнули присутствующие.

– Сейчас я его прогоню, – пообещал Филя и выключил свет.

В почти полной темноте слышалось только возбужденное сопение наших собак.

– О, Мумо! – завелся колдун, открывая окно. – Уходи в свои владения, заклинаю тебя духом Юмо и зеленой лозой священного дуба, о, Мумо!..

Но в ответ на его призывы из сада слышался все тот же утробный вой, иногда срывающийся на визг.

– Ужас, – прошептала Зайка.

– А он к нам не войдет? – опасливо спросила какая-то дама.

– Мумо, о, Мумо, – заявил Филя, потрясая чем-то, больше всего похожим на корзинку для спиц, – Мумо, уходи.

Мне надоел этот цирк, и я тихонько выскользнула из столовой, открыла входную дверь и выглянула в сад. Рядом со ступеньками, в тени большой ели сидел абсолютно несчастный мопс Хуч и издавал напугавшие всех звуки. Толстенький, симпатичный Хучик – большой любитель вкусной еды и мягких диванов. Холодную погоду он не переносит на дух и длинные, темные зимние месяцы проводит, зарывшись в груды пледов. Оживляется Хучик только при виде съестного, нюх у него невероятный, а слух, как у горной козы. Ес-

ли ночью я собираюсь съесть шоколадку – грешна, люблю уничтожать сладкое в постели, – Хуч несется в мою спальню со всей скоростью, какую способны развить его маленькие кривоватые ножки. Отказать ему в угощении невозможно. Огромные карие глаза мопса глядят на вас просительно, розовый язычок подрагивает. Руки сами засовывают ему в пасть сладкие кусочки. Проглотив подачку, Хуч залезает на кровать, укладывается под одеяло и преспокойно засыпает. Гулять он не любит. Аркашка выпихивает мопса за дверь пинками, а пес сопротивляется изо всех сил, цепляясь лапами за порог. Летом, впрочем, может пройтись по саду, зимой же норовит пописать в кошачий туалет. Наши киски, гневно фыркая, пытаются выгнать оккупанта из своего сортира. Пару раз Хучу крепко досталось от Фифины и Клеопатры, но мопсик несгибаем. Если на улице дождь, снег, ветер, холод, он невозмутимо усаживается на гранулы «Пипи-кэт».

Сегодня ему фатально не повезло. Сначала выволокли и заставили нежными лапками бродить по мартовским ледяным лужам, а потом просто, в общей суматохе, забыли впустить в дом; завоешь тут от ужаса и негодования.

– Хучик, иди сюда, – позвала я собачку.

Но мопсик не двинулся, продолжая громко плакать.

Пришлось прямо в уютных домашних тапочках топтать к нему под елку. Так, понятно. Дурацкий серебряный комбинезон, в который зачем-то нарядили бедолагу, сполз с задних лапок, штанины запутались, и Хуч потерял способность

к передвижению. Вытряхнув его из прикида, я подхватила дрожащего песика и внесла в дом. Хуч опрометью бросился в кошачий туалет. Вот ведь какой принципиальный: умру, а не стану писать в такой холод на улице.

В гостинной царило ликование.

– Где ты вечно шляешься, – накинулась на меня Алиса, очевидно, успевшая как следует налечь на коньяк, – самое интересное пропустила. Мумо ушел, взвизгнул последний раз и убежал, Филя его напугал.

Колдун устало поправил прядь волос.

– Да уж, пришлось повозиться, израсходовал почти весь энергетический потенциал. Зато теперь сюда не войдут никакие несчастья...

– Потрясающе! – прошептала одна из дам, посверкивая серьгами. – Невероятно!

– Восхитительно, – отозвалась Зайка.

– Здорово, – резюмировала Маня.

– Честно говоря, я струхнул маленько, – признался Кеша. – Он так выл, и сначала я подумал, что это собака, но потом стало ясно: ни одному животному не издать подобных звуков.

Я поглядела на блаженно раскинувшегося в кресле Хуча. Относительно умственных способностей Алиски и ее подруг никогда не заблуждалась – тупы, как пробки. Но кто мог подумать, что мои домашние такие же придурки!

На следующий день с утра поехала разыскивать детский

дом, где воспитывалась Людмила Шабанова. Ну не может быть, чтобы там не осталось документов или людей, помнящих девочку.

Но молодая бойкая директриса тут же меня разочаровала.

– Сколько лет вашей Шабановой?

– Вокруг тридцати.

– Значит, больше десяти годков прошло после выпуска, здесь за это время семь начальников сменилось.

– Может, личное дело где лежит? – спросила я, понимая безнадежность вопроса.

Директриса наморщила хорошенький носик, по виду она казалась чуть старше Зайки, небось институт только что закончила.

– Пожар, говорят, случился в девяностом, почти все бумаги сгорели. Впрочем, я тогда здесь еще не работала.

Тут дверь кабинета приоткрылась и всунулась голова с аккуратной, старомодной укладкой.

– Разрешите?

– Очень кстати, – обрадовалась начальница, – вот, знакомьтесь, Виктория Павловна, старейший преподаватель.

– Вы Людмилу Шабанову помните? – спросила я.

Пожилая женщина села на стул и задумчиво проговорила:

– Шабанова... Шабанова... а зачем она вам?

Но у меня наготове убедительное объяснение.

– Уже объясняла директору, я представитель адвокатской конторы. У Шабановой нашлись родственники за рубежом,

разыскивают девушку.

– Нет, – с сожалением вздохнула Виктория Павловна. – Разве всех упомнишь? Столько детей было... Фамилия-то вроде знакомая...

– Воспитательницу Елену Вадимовну знаете? – решила я использовать последний шанс.

– Эту выскочку? – процедила Виктория Павловна. – Как же, рядом работали. Все поучала преподавателей, как с детьми обращаться, а директор, покойный, все в рот ей глядел. Еще бы, муженек-то у зануды в Министерстве просвещения работал, отделом заведовал. Как чего надо, Елене Вадимовне в ножки кланялись, пальтишки детям купить или телевизор... А она и рада стараться, шепнет супругу, а потом нос задирает.

– Где она сейчас? – прервала я поток старых обид.

Виктория Павловна сказала недоброжелательно:

– Вот уж правильно говорят, кое-что не тонет. Тут и кризисы, всякие пертурбации, а Елена Вадимовна частный колледж открыла, директорствует, денежки рекой текут...

– Знаете адрес?

– Да за углом, – фыркнула Виктория Павловна. – Еще наглость имела на наши ворота объявление в феврале налепить – «Школа уникальных преподавательских методик Елены Старостиной объявляет прием». Сразу его, конечно, отодрали. Специально ведь повесила, чтобы знали: вот я теперь какая!

Оставив Викторию Павловну исходить злобой, я двинулась по указанному адресу. И впрямь это за углом. В глубине двора устроилось типовое двухэтажное здание детского садика. Пахло внутри вкусным обедом, свежепокрашенные стены густо увешаны картинами. «Творчество наших учеников» – гласил плакат.

– Елена Вадимовна на месте? – спросила я у здорового парня, тащившего огромный глобус.

То ли акселерат-десятиклассник, то ли слишком молодой преподаватель на бегу крикнул:

– Второй этаж, комната двенадцать.

Я пошла вверх по лестнице. Все стены изрисованы карикатурами, у окна – большая стенгазета и ящик с надписью: «Опусти сюда бумагу, на которой изложил проблему». На двери нужной мне комнаты табличка: «Входите смелей, вместе мы разрешим все трудности». Отличное заявление, надеюсь, ко мне оно тоже имеет отношение.

Помещение оказалось большим и светлым. Меньше всего оно напоминало кабинет директора школы, скорее это уютная гостиная: диван, два кресла, большой торшер, огромный темно-зеленый ковер, много картин, «стенка», забитая книгами и посудой. Впрочем, у окна пристроился письменный стол с компьютером, и именно там сидела светловолосая женщина.

Услышав скрип двери, Елена Вадимовна отложила линейку и приветливо спросила:

– Могу помочь?

Я посмотрела в ее открытое, доброе лицо. Еще довольно молода, пятидесяти, наверно, нет, но первые морщины уже лучиками побежали от карих глаз к вискам. Однако «гусиные лапки» не портили директрису, наоборот, придавали лицу мягкое выражение. Сразу видно, она редко гневается и много смеется. В юности слыла, конечно, красавицей, да и сейчас еще хороша. Кожа светлая, слегка курносый нос и губы Брижит Бардо. Скорее всего знает о сходстве с секс-символом Франции, потому что волосы красит в светло-русый цвет. Впрочем, похоже, что и фигура еще сохранилась, если судить по той ее части, что виднелась над столом.

Я села и принялась беззастенчиво врать про зарубежных родственников Шабановой.

Елена Вадимовна слушала, не прерывая, и, только когда моя фантазия иссякла, спокойно произнесла:

– Отлично помню Милу, принимала самое активное участие в ее судьбе, только скажите, ее разыскивают со стороны отца или матери?

– Отца, – недолго думая, выпалила я.

Елена Вадимовна посуровела.

– У вас, естественно, имеется документ, подтверждающий вашу личность?

Я сунула ей под нос французский паспорт. При виде его россияне, как правило, становятся крайне любезны, но Елена Вадимовна оказалась исключением. Брови директрисы

грозно поползли к переносице, рот, потеряв всякое сходство с губами Брижит, сжался в ниточку.

– Значит, иностранка. Боюсь, ничем помочь не смогу.

– Неужели не хотите, чтобы Людмила получила наследство, оставленное прадедом?

– Вы не та, за кого себя выдаете.

Я растерялась и глупо спросила:

– Почему?

– Потому что дед Милы никогда бы не оставил ей ни копейки, ведь мать Людмилы убила своего мужа, его сына. Поэтому-то девочка и оказалась в детском доме.

Я разинула рот. Ну и новость! Елена Вадимовна молча закурила. Тогда я вынула другой, российский паспорт и рассказала директорисе всю правду.

– Ужасно, – пробормотала та, когда я закончила, – впрочем, у нее всегда замечались странности, сказывалось, видно, тяжелое детство.

– Вы не знаете, где ее дочь?

Директриса покачала головой.

– Последний раз встречались, когда она получала диплом, это ведь я ее в институт пристроила, пожалела. Впрочем, если располагаете временем, могу рассказать, что знаю, по порядку.

Я заверила Елену Вадимовну, что абсолютно свободна, и принялась внимательно слушать.

Милочке было семь лет, когда ее привезли в детский дом,

но она не умела ни читать, ни писать, впрочем, разговаривала тоже с трудом. Елена Вадимовна вначале удивилась. Красивая, абсолютно нормальная с виду девочка оказалась почти debilкой. Школьница по возрасту, она остановилась в развитии на уровне двух-трех лет. Ела только ложкой, при этом сосиски, курица и отварные яйца вызывали у новенькой удивление.

– Что это? – спросила она, ткнув пальцем в ноздреватый омлет.

В детском доме хорошо готовили, и Елена Вадимовна даже растерялась вначале.

– Ешь, Милочка, тебе понравится.

Воспитанница сунула ложку в рот и принялась медленно жевать.

– Что же ты дома кушала? – поинтересовалась педагог.

– Благословенную пищу, – ответила девочка и спросила: – А это желтое – божеское или бесовское?

Елена Вадимовна не нашлась, что ответить. С одеждой тоже возникли трудности. Милочку привезли в январе, и сначала женщине показалось, что на девочке ночная сорочка. Но при ближайшем рассмотрении оказалось, это нечто вроде хитона из грубой, неотбеленной, явно домотканой холстины. На ногах носки и калоши.

Первый год Мила ходила по детскому дому босиком, оставляя везде домашние тапочки.

Ни о Золушке, ни о Красной Шапочке, ни о Коте в сапо-

гах девочка не слышала, телевизора боялась до ужаса, от телефона шарахалась, а когда воспитанников повели в театр, упала в зрительном зале на колени и закричала:

– Уйди, сатана!

Но Елену Вадимовну такое поведение уже перестало удивлять. Она внимательно изучила прежнюю жизнь необычной воспитанницы и знала, в чем дело.

Родители Милочки оказались сектантами. И отец и мать Шабановы принадлежали к группе «Свидетели воскрешения». Верховодил в секте Милочкин дед – угрюмый бородастый мужик. Сын подчинялся ему беспрекословно, но жену привел из города. Сектанты предпочитали заключать браки в своем узком кругу, однако после того, как от кровосмесительных связей стали рождаться дети-уроды, «епископ» разрешил знакомиться на стороне. Только с одним условием – молодой муж или жена обязаны вступить в секту. Мать Людмилы, наверное, не очень хорошо понимала, куда попала.

В коммунистические времена всякие секты, группы и сборища религиозного характера запрещались на корню. Не слишком поощрялось посещение даже ортодоксальной православной церкви. Поэтому «Свидетели воскрешения» вели себя крайне аккуратно. Жили в многоквартирном доме, занимая несколько этажей; им пришлось пошевелиться, чтобы съехаться в одно место.

Личного имущества у верующих не было. Все принадлежало всем: одежда, обувь, посуда, белье... Телевизор, радио,

газеты и книги находились под строжайшим запретом. Шампунь, зубную пасту, одеколон не употребляли. Чай и кофе не пили, мясо не ели, впрочем, рыбу тоже, питались «божественной пищей» – кашей, макаронами, картошкой. Почти сто пятьдесят дней в году держали суровый пост. К врачам не обращались, больных не лечили. Если заболел или умер – на то божья воля. Впрочем, покойник исчезал, минуя службу «Ритуал». Крепкие мужики отвозили его куда-то в Подмосковье и хоронили по обряду. В день похорон устраивали праздник.

Мужчины проводили день в молитвах и медитации, кое-кто работал грузчиком или носильщиком на вокзале. Умственный труд не приветствовался. Учителю, врачу или служащему, попавшему в секту, предписывалось тут же сменить место работы. Женщинам вменялось не только зарабатывать деньги, но и вести хозяйство. Закутавшись зимой и летом в черные платки, они мыли полы в учреждениях и магазинах, служили санитарками в больницах и даже подрабатывали в морге, одевая покойников.

Соседи привыкли к странным, тихим жильцам, скользившим, будто тени по двору. Но чужая жизнь – потемки, и никто в душу не лез, тем более что непонятные москвичи никому не досаждали, даже наоборот: не пили, не курили, не шумели, не ругались матом. К ним не ездили шумные компании, и их дети выходили на улицу только в самом крайнем случае, исключительно в сопровождении взрослых.

Детей в секте было немного. Жили они под строгим приглядом. Кормили их раз в день, одевали в «божью» одежду, обливали ледяной водой и заставляли молиться с утра до вечера.

Милочкина мать, Раиса, попала в секту случайно. Познакомилась в Доме культуры с приятным парнем. Тот показался ей очень положительным и, хотя работал простым грузчиком, водки и курева чурался, как чумы, разговаривал тихим голосом и очень робел. А у Раисы дома отец да брат вечно пьяные, мать в давнюю давину скончалась от побоев. Вот и побежала девушка замуж за вежливого да непьющего.

Первые месяцы в секте оказались ужасны. Молодой муж, опустив глаза вниз, ни слова не сказал, когда его родной отец потянул Раису в спальню. Бойкая девушка начала сопротивляться, но тут набежали другие члены секты. Бабы ухватили новенькую за руки и за ноги, а мужики по очереди изнасиловали «новообращную». Потом ее бросили в комнате без еды. Дверь открывалась только для того, чтобы впустить гадко улыбающегося «епископа» с кружкой воды и плеткой.

Через неделю Раиса покорно надела черный платок. Посчитав обращение состоявшимся, сектанты выпустили ее.

Потянулись унылые дни. За годы брака Рая родила троих детей – двух девочек и мальчика.

Милочка оказалась последней. Больше женщина отчего-то не беременела. Одна из сестер по вере наклеузничала «епископу», что Раиса купила в городе противозачаточ-

ные пилюли. Дед обозлился и велел обыскать ослушницу, но никаких лекарств у невестки не нашли. Тогда ябеду высекли, впрочем, Раю тоже. В секте много и часто били женщин. Вообще там все было поставлено так, чтобы окончательно сломить волю «прихожан». Долгие посты, скудная еда в скоромные дни, ранний подъем и поздний отход ко сну – все это ослабляло человека физически, делало его податливым, бесхарактерным, мягким, словно пластилин. Моления проходили почти в полной темноте, только на столе, возле которого стоял «епископ», загадочно мерцал хрустальный шарик. Очевидно, дед знал простейшие методы гипноза и всю применял их на практике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.